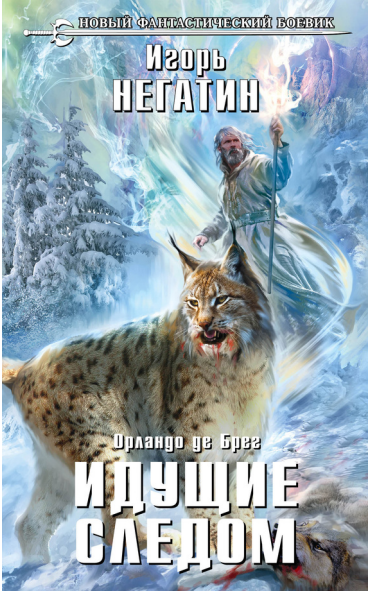

Игорь Якубович Негатин
Идущие следом
Серия «Орландо де Брег», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17206051
Игорь Негатин. Орландо де Брег. Идущие следом: Эксмо; Москва; 2016
ISBN 978-5-699-86764-6

Аннотация

Всему свое время, и время всякой вещи под небом. Время убивать и время искать ответы на тайны ушедших времен. Всему предопределенному и сущему назначен свой час, и не дано человеку знания, когда грянет час беспощадной войны, а когда придет срок и тайное станет явным. Главное – оставаться человеком. В любых испытаниях, на которые так щедр наш Господь. «Идущие следом», продолжение романа «Рысь Господня», ответит на все вопросы наших героев – Орландо де Брега и Жака де Тресса. Орландо ищет спасения от страшного проклятия, исковеркавшего всю его жизнь, а Жак, мечтавший стать послушником, пытается найти свое место в страшном и беспощадном мире.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	17
Глава 5	20
Глава 6	24
Глава 7	28
Глава 8	32
Глава 9	36
Глава 10	40
Глава 11	44
Глава 12	48
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Игорь Негатин

Орландо де Брег. Идущие следом

© Негатин И., 2016

© ООО «Издательство «Эксмо», 2016

Глава 1

Колокольный звон плыл над городом. Он разносился над разомлевшим от летнего зноя Баксвэром, словно упрекая всех добропорядочных христиан в греховных помыслах о кружке прохладного вина и праздном безделье. Следом за городским Собором ударили колокола монастыря Святой Женевиёвы, возвещая о полуденной мессе. Звонарь этой Святой обители пребывал в довольно почтенном возрасте, а посему и опаздывал, за что был часто порицаем отцом настоятелем. Я обратил взгляд в сторону зарешечённого окна и перекрестился...

Охапка почерневшей, скверно пахнущей соломы, глиняный кувшин с щербатыми краями и несколько свечных огарков на черепках от разбитой посуды. Прутья решётки, холодный гранит и узкий солнечный луч, в котором золотилась вечно неторопливая пыль. Не самое достойное жильё для дворян, но кто нам позволит выбирать узилище согласно привычкам и вкусам? Нам ещё повезло: этот каменный мешок был расположен на втором этаже тюрьмы, и мы видели краешек лазурного неба, мачты кораблей в порту и черепичные крыши домов, что связывало нас с миром, избавляя от промозглой серости застенков. Да, эти камни помнят многое! Обладай они умением говорить – поведали бы такое количество ужасных историй, которое заставило бы содрогнуться любого храбреца, попавшего в эту юдоль скорби.

– Полноте вздыхать, Жак де Тресс! Это не самое плохое место, в котором мне доводилось бывать, – сказал шевалье де Брег и усмехнулся. Он устроился напротив и с наслаждением подставил лицо скупому лучу солнца, который проникал в нашу темницу после полудня.

– У нас нет причин радоваться, – осторожно заметил я.

– Неужели вы полагаете, что завтра окажетесь на плахе?

– Разве сие невозможно?

– Всё в руках Господа нашего Иисуса Христа, но не думаю, что он будет так невыносимо скучен и предсказуем в своих карах. Понадеемся на его милосердие и всеблагую мудрость. Хотя... Кто знает? Мы сидим здесь целую неделю, но никто не горит желанием предъявить нам новые обвинения или подтвердить уже озвученные.

– Вас, шевалье, смотрю, это забавляет?

– Как вам сказать, Жак... Не вижу причин жаловаться. Или вы полагаете, что, надень нам тюремщики вот эти украшения, было бы веселее? – произнёс Орландо и указал на кандалы, висящие на железных кольцах. Изъеденные ржавчиной, они служили предостережением, что судьба могла повернуться и другой, более суровой, стороной.

– Спаси Господь!

– Вот именно... – вздохнул шевалье. – Что касается забав, Жак де Тресс, то вы не правы! Напротив – мне жутко скучно!

– Скучно?

– Это вам, Жак, «скучно», а мне именно скучно. Размышлять о старых загадках изрядно надоело, а новых и вовсе не предвидится. Я уже готов обратиться к истории о предательстве Иуды.

– Господь с вами, де Брег! Что может быть интересного в этой истории?

– Не скажите, Жак... – протянул шевалье. – В этом происшествии, как ни крути, много тёмных пятен, идущих вразрез с логикой, но сие грозит обернуться долгими и совершенно излишними спорами, – он немного помолчал и продолжил: – Клянусь Гробом Господним, наше заключение очень не вовремя! Святые отцы страдают от полученных ран, шериф Баксвэра сходит с ума, а всё это навеивает сильнейшую дрему. Мне скучно! Будь это возможным, я бы заснул и не просыпался до самой зимы. Ко всему прочему, здесь скверно кормят!

Словно в ответ на жалобы моего друга за дверью послышались шаги, и кто-то звякнул связкой ключей. Спустя мгновение раздался скрежет замка, щёлкнул засов, и дверь темницы распахнулась. В полутёмном проёме показалась сгорбленная фигура одного из тюремщиков, который – к величайшему изумлению – принёс большую корзину, укрытую куском белого полотна.

– Добрый день, господа...

– Добрый? – изумился Орlando де Брег. – Да вы изрядный шутник, как я погляжу!

– Слава Иисусу Христу, – кивнул я.

– Во веки веков, – смиренно отозвался тюремщик и поставил на пол свою ношу.

Судя по ароматным запахам, заполнившим наш склеп, в корзине находились воистину королевские яства, способные раздражить любого питуха¹ и обжору, а уж нам, седмицу прожившим на чёрством хлебе и воде, сам Бог велел насторожиться и начать приноховаться к этим ароматам.

– Это вам передал мастер Гай Григориус, – добавил он.

– Святой человек! – воскликнул Орlando и подхватил корзину.

– Будь это возможным, он бы передал вам еду и раньше, но баксвэрский шериф, опасаясь вашего побега...

– Чёрт с ним, с этим тупоголовым пьяницей и бездельником! – перебил шевалье и начал выкладывать припасы на плащ, брошенный на пол темницы.

Вино в кувшине, пяток жареных цыплят, два жирных каплуна, приготовленных со всем уважением к обжигаящим нёбо приправам, две копчёные рыбины, несколько хлебов, пучок зелени и свежая, исходящая нежным соком ветчина...

Когда мы закончили пировать, а от подарка остались лишь обглоданные кости, шевалье привалился к стене и облегчённо вздохнул:

– Ну вот, теперь можно и подумать. Как ни старайся, но скверно размышлять на пустое брюхо! Скверно и, даже не убоюсь этого слова, вредно! Человеческое тело, Жак де Тресс, не терпит пустоты! Ни в голове, ни уж тем более в чреве.

– Несмотря на заветы святых отцов, кои советуют держать тело в строгости, мне трудно с вами не согласиться, – признал я и допил вино.

– Святые отцы остались по ту сторону дверей, – заметил де Брег, – и уж точно не станут ломать себе головы над нашими грехами и напастями.

– Звучит не слишком весело.

– Увы, мой бедный друг... – шевалье посмотрел на окно и тихо добавил: – Ещё несколько недель, и нам станет тесно в этой темнице. Это скверно...

Его тяжёлый недуг был мне хорошо известен. Я видел, как этот храбрый и благородный дворянин, проклятый неизвестным чародеем, обращается в зверя. Да, он был оборотнем. Орlando де Брег... Оборотень из монастыря Святой Женеьевы, ставший мне другом.

Как говорил Агниус, мой монастырский наставник, да упокоит Господь его бессмертную душу: «Судьбу два раза не встречают!» Он был прав. Прав в своей неиссякаемой мудрости, которой щедро делился с новичантами Святой обители. Увы, этот почтенный старец был убит и нашёл упокоение на монастырской земле, где погребены уже многие, посвятившие свою жизнь служению Всевышнему.

Моя судьба распорядилась иным образом. Я, Жак де Тресс, должный стать монахом, стал добрым спутником Орlando де Брегу. Человеку, носящему в себе зверя. Жёсткому, а подчас и жестокому. Некоторые поступки казались противоречивыми, что заставляло усомниться в его благоразумии, но открывали всё новые загадки человеческих душ и людских судеб. Ко всему прочему шевалье был настоящим кладезем знаний, почерпнутых в книгах.

¹ Питух – пьяница.

Если вы читали мои записи, то многое будет знакомо и понятно. Как и тайна наших злоключений, которая, по ложному свидетельству или доносу, привела в темницу городской тюрьмы. Что бы ни случилось, оставалось уповать на милость Господню, которая могла облегчить нашу незавидную участь.

– Что будем делать, Жак? – спросил де Брег.

– Простите?

– Может быть, подумаем о наших планах?

– Вы не боитесь... – попытался предостеречь я, но шевалье не дослушал и поднял руку.

Он уже в который раз удивлял чрезмерно острым слухом и зрением, позволявшим видеть даже в кромешной мгле. Вот и сейчас де Брег закрыл глаза, а затем, после небольшой паузы, кивнул и продолжил:

– Нам нечего опасаться. Тюремщики ушли вниз, а в соседней камере сидит обезумевший торговец. Сейчас он спит. В другой, – шевалье указал на стену, – сидит, а если быть точным, то сидела, женщина. Её увели утром, пока вы ещё спали. Судя по рыданиям, бедняжка свела знакомство с палачом и уже не вернётся.

– Отчего вы так решили?

– Всю ночь она бодрствовала и умоляла Господа не оставить заботами дочку, которую больше не увидит. Так что неизвестная Амели станет сиротой по вине одного зажиточного купца, написавшего заведомо ложный донос.

– Донос? За что?!

– Увы... – Орlando де Брег развёл руками. – Это мне неизвестно. Возможно, наша соседка отвергла его ухаживания и не согласилась разделить с ним ложе. Мало ли женщин сожжено на кострах по лживым наветам? Нам и без этого есть что обсудить, не правда ли?

– Вы совершенно правы, шевалье.

– Чем больше я размышляю над тайной гобелена, – продолжал рассуждать де Брег, – тем чаще склоняюсь к мысли, что дело не только в сказочных сокровищах рода де Буасси.

– Почему вы так думаете?

– Слишком много людей оказалось вовлечено в это буйство смерти.

– Измена престолу? – предположил я.

– Господь с вами, Жак! Наш король прекрасно знает о настроениях этих знатных господ, кои льстят ему на пирах и турнирах, а между тем плетут заговоры, заключают союзы и ждут удобного случая, дабы избавиться от власти венценосца. Тут дело в чём-то другом, более интересном и более древнем...

– Эта тайна очень важна для служителей Святой церкви.

– Вы совершенно правы, Жак. Недаром наш аббат и его преподобие так сцепились.

– Графиня...

– Увы, графиня Ирэн де Фуа, которой вы служите, причастна лишь косвенным образом. Ей посчастливилось стать богатой вдовой, а деньги часто притягивают разное отребье вроде почивших в бозе барона де Мелло и шевалье Дампьера. Хотя... не скрою, что их интересы затрагивали не только графские богатства. Как-никак, но шевалье сумел выкрасть гобелен из монастыря Святой Женевиевы. Зачем?

– Чтобы добиться поддержки святых отцов, разумеется!

– Возможно... – шевалье нахмурился и провёл рукой по лицу. – Возможно, но это лишь одно из предположений. Если вы не забыли, то барон де Мелло изначально прибыл в Баксвэр на встречу с аббатом. Прибыл, не имея злосчастного гобелена, за которым охотились святые отцы. Полагаю, что аббат Хьюго знает тайну изображения, но ему не хватает подробностей, заключённых в записях покойного графа...

– Которые находятся в руках служителей Святого Трибунала, – добавил я.

– Его преподобие отец Раймонд, – усмехнулся шевалье, – скорее сам взойдёт на костёр, чем добровольно отдаст графские дневники и записи.

– Де Брег, вы запомнили о некой третьей силе.

– Которая нашла способ и заточила нас в темницу?

– Вы полагаете, это дело их рук?

– Шериф весьма недалёк, а если откровенно, то скорбен и умом, и телом. Единственное, в чём ему не откажешь, так в откровенной жадности и слепой верности престолу. На этих чувствах, как вы понимаете, легко играть. Если пообещать замолвить словечко при дворе его величества, то он будет готов на что угодно!

– Жаль, но всё это лишь наши домыслы, – подвёл итог я. – Дабы их проверить, нам надо оказаться на свободе, а сие почти невозможно...

– Не торопитесь умирать, Жак де Тресс! Поживём – увидим!

Глава 2

Не прошло и двух дней, как наш тюремный покой – пусть и весьма сомнительный – был прерван двумя дюжими стражниками, которые заявили в темницу и приказали следовать за ними. Судя по тому, что меня и Орlando вывели вместе, предстояло не простое дознание, которое согласно артикулу тех далёких лет должно было проводиться порознь. Моя догадка подтвердилась, и вскоре мы предстали перед шерифом Баксвэра – пожилым мужчиной лет сорока. Его звали Филипп де Камрон. Невысок ростом, грузен, а жирное и одутловатое лицо, украшенное красными прожилками, свидетельствовало о нездоровом и греховном образе жизни.

Он презрительно потел, а по звукам кашля можно было догадаться о присутствии в слюне серых мокрот – предвестников тяжёлых и опасных недугов. Увидев нас, Филипп недовольно скривился, словно узрел нечто, недостойное его внимания.

– Господа, вы знаете, в чём вас обвиняют... – произнёс шериф. Произнёс, надо заметить, весьма безразличным тоном, но нечто в его голосе и жестах говорило о совершенно ином. Сей толстяк был изрядно взволнован. Орlando де Брег не отреагировал на эти слова. Я счёл этот поступок весьма разумным и последовал его примеру.

– Молчите, а следовательно, признаёте свою вину, – продолжал Филипп. – Мои люди...

– Поступки ваших слуг, сударь, свидетельствуют о душевных недугах! Только безумцам могла прийти в голову мысль обвинить меня и Жака де Тресса в колдовстве и злодеяниях, с этим связанных.

– Колдовстве?! – встрепнулся мужчина.

– Извините, но иного способа не вижу. Как мы могли покушаться на жизнь святых отцов, если не посредством волшбы? Вы ведь знаете, что в день покушения нас не было в Баксвэре.

– Это значит, вы отрицаете свою причастность? – криво усмехнувшись, спросил шериф.

– Нет, я не буду отрицать. Напротив.

– Что?!

– Признаю, что я, Орlando де Брег, прибегал к богопротивным занятиям, под которыми понимают изучение книг о колдовстве и магии, – произнёс шевалье и прищурился. Когда я услышал эти слова, то не поверил своим ушам, но шериф выглядел ещё более удивлённым, чем ваш покорный слуга.

– Вы... – Он даже охрип и начал запинаться. – Понимаете, что этими словами подписали свой смертный приговор?!

– Как знать, сударь, – усмехнулся Орlando, – как знать...

– Вы обезумели?!

– А вы что, увидели во мне родственную душу?

– Увести их! – рявкнул разозлённый шериф и оскалился, но тут же зашёлся тяжёлым, удушающим кашлем и замахал руками. Стражники подхватили меня и шевалье под руки и вытолкали в двери.

Несколько узких коридоров, две лестницы, и нас втолкнули в темницу. Щёлкнул замок, послышалась грязная ругань и шум удаляющихся шагов. Когда всё стихло, я посмотрел на де Брега и, не найдя подходящих слов, дабы выразить свои чувства, развёл руками:

– Признаться, шевалье, я...

– Чем вы так удивлены, Жак? – спросил де Брег и с удовольствием развалился на соломе.

– Ваши слова, сказанные шерифу.

– Оставьте! – Он лениво отмахнулся и закинул руки за голову. – Вы же неглупый малый! Подумайте и представьте все последствия моего заявления.

– Костёр и пытки, – пожав плечами, предположил я. – Или плаха. Если нам повезёт.

– Жак, чёрт бы вас побрал! Не торопитесь так с выводами! Они, кстати, весьма далеки от истины. Жизнь, как ни крути, хороша и приятна, а если Гай Григориус будет так добр, что передаст нам ещё одну корзину с припасами, то и вовсе станет чудесной. Признаться, я так голоден, что не отказался бы даже от куска жареной трески. Пусть и без пряностей, кои так обожает наш щедрый мастер. Костёр... Костёр подождёт. Такие вещи так просто не решают.

– Погодите... – Я начал догадываться. – Вы что, хотите попасть в Святой Трибунал?

– Вы только сейчас это поняли?

– Шевалье, вы сам дьявол!

– Боже меня упаси! – засмеялся Орландо.

– Не бойтесь, что шериф разделается с нами без помощи святых отцов?

– Филипп де Камрон не настолько глуп! Он не сможет пропустить моё заявление мимо ушей. Среди его слуг и помощников есть несколько человек, которые не преминут донести о таком промахе. Причём сделают это не из любви к Орландо де Брегу или Жаку де Трессу, а исключительно с целью испортить нам жизнь. Они с превеликим удовольствием шепнут приближённым королевского наместника – графа Шарля де Бо, а те, в свою очередь, донесут серым братьям. При дворе постоянно находится один священник из Святого Трибунала. Это, если мне память не изменяет, Даниэль Сагальский.

– Он хороший человек?

– Он хороший священник, твёрдо верующий в миссию Святого Трибунала.

– Разве эти понятия не связаны?

– Увы, мой друг, не всегда. Пусть мои мысли и покажутся вам крамольными, но святость *дарованная* не всегда подтверждает святость *подлинную*. Вам ли этого не знать, Жак? Вы же пожили, пусть и недолго, в Святой обители. Могли убедиться, что монахи, кои обязаны служить Господу, зачастую служат совсем другим «идеалам», утопая во множестве грехов и пороков.

– Да, тут я вынужден согласиться. Эту братию сложно назвать святыми.

– Мы с ним не особо дружим, – возвращаясь к беседе о придворном священнике, сказал де Брег. – Он не преминёт доложить отцу Раймонду. Что, собственно говоря, нам и потребно. Мне надоело сидеть в каменном мешке, питаюсь чёрствым хлебом и тухлой водой, словно я разбойник с большой дороги.

– Почему же вы раньше этим не озаботились?

– Каким образом, Жак? Мы сидим вторую седмицу, а разговор был первым. Первым, и очень надеюсь, что последним. Тюремщиков заменили в первый же день. Будь на их месте старые служаки, я бы давно отправил восточку его преподобию. Это спасло бы нас от вынужденного поста и безделья.

– Отчего же не аббату Хьюго?

– Святой отец получил больше увечий, чем глава Святого Трибунала. Мало того – аббат больше заботится о делах монастыря, нежели о простых мирянах, а его преподобие только и делает, что разыскивает среди горожан еретиков и вероотступников. Следовательно, он обладает большими возможностями нам помочь.

– Хоть шериф Баксвэра и очень неприятный человек, но он должен знать...

– Что именно вы хотите ему сообщить?

– Он тяжело болен. Скоро эта болезнь может обостриться.

– Пустое! – отмахнулся шевалье де Брег. – Филипп слишком много ест красного мяса и пьёт белого вина, что губительно для печени и желудка. Живительные соки, находящиеся в теле, замедлили свой бег и загустели. Отсюда одутловатость, тяжесть и скверное настроение.

Добавлю, что чёрная желчь сделала нашего шерифа меланхоличным и очень мстительным. Впрочем, как и всех остальных, кто сумел достичь определённых высот в здешнем обществе.

– За исключением графини... – заметил я.

– Разумеется, – мой друг помрачнел. – Ирэн де Фуа, сударь, это прекраснейший цветок, выросший среди грязи высшего света. Зная её прежнего мужа, готов поспорить, что она так и осталась девственно чистой и невинной.

– Как так?

– Старый граф де Фуа больше интересовался смазливými юношами, чем женщинами.

– Какая гадость... – скривился я.

– Увы, такие господа не редкость, – хмуро кивнул шевалье. – Возможно, мои рассуждения и покажутся вам греховными, а то и кощунственными, но чем больше я изучаю тёмный мир колдовства и магии, тем чаще удивляюсь простым смертным, причастным к различным историям и происшествиям. Подчас люди превосходят самую жуткую нечисть в злобных деяниях и вызывают моё искреннее презрение. Кстати, вы ещё не забыли историю о торговце и его бедной дочери?

– Такое сложно забыть.

– Вот и прекрасно. Память – это чудодейственное средство. Она обладает удивительными свойствами! Ей подвластно всё, кроме будущего. Главное – не забывать о настоящем и не кривить душой. Жизнь слишком коротка, чтобы притворяться. Однако, Жак, довольно слов! Нам надо выспаться! Сдаётся, что завтра нас ожидает тяжёлый день, а последующая за ним ночь будет и вовсе бессонной.

– Почему?

– Позвольте, Жак, я не стану отвечать? Не хочу насмешить Господа Бога своими планами и надеждами.

Шевалье оказался прав – уже на следующий день, незадолго до полудня, дверь темницы распахнулась, и нас вывели во двор. Любой из горожан, оказавшись он на этом месте, уже читал бы молитвы, приготавливаясь к неминуемой смерти. На задворках тюрьмы казнили тех преступников, чью смерть, в силу каких-то причин, нельзя было преподнести как одно из развлечений для городской черни. Публичной казни удостоивался не каждый и² [...]

* * *

...[прово]дили в уединённую комнату его преподобия отца Раймонда, которая своей формой напоминала графский кабинет в замке Буасси. Разве что вместо гобеленов висело несколько полок, где виднелись книги, свитки и целые стопки тончайшего пергамента.

– Слава Иисусу Христу, святой отец!

– Во веки веков, – кивнул его преподобие. Его голос был слаб, а лицо покрывала лёгкая бледность, свидетельствующая о перенесённой болезни. – Вам несказанно повезло, дети мои, что слухи о вашем заточении достигли нужных людей.

– Всё в руках Господа, – потупился шевалье де Брег.

– Вы правы, сын мой, но не следует уповать лишь на милосердие и всеблагую мудрость Создателя. Хоть обвинения и вздорны, но шериф так просто не отступит. Он изрядно зол на вас обоих, а особенно на Жака, которого люто ненавидит.

– Меня? – совершенно искренне изумился я. – В чём причина этой ненависти?

– Вы не забыли, юноша, об убиенном вами Аугусте де Либери? Он был другом шерифа.

– Но...

– Вы хотели что-то сказать? – спросил отец Раймонд и удивлённо заломил бровь.

² Часть рукописи пострадала от времени, и текст был утрачен. (Здесь и далее прим. переводчика.)

– Нет, святой отец. Искренне сожалею о своём поступке. Даже представить себе не могу, как мне искупить этот смертный грех.

– Это будет непросто. Разумеется, часть вины вы уже искупили, вернув книги из Лесной обители. Кроме этого, вы уничтожили оборотня, наводившего ужас на жителей Баксвэра, но Филипп де Камрон... Его трудно убедить в вашей законопослушности. По его словам, Жак, вы головорез и сорвиголова, и где бы ни появлялись, преступаете закон и сеете смуту. Это серьёзные обвинения, юноша! Очень серьёзные.

– Понимаю, – кивнул я и склонил голову.

– Если он и согласился вас освободить, то лишь уступив нашим настойчивым просьбам. Шериф не будет чинить вам препятствий и досаждать, если вы не совершите новых ошибок.

– Клянусь, я сделаю всё возможное!

– Если вы так откровенны и честны, то могу сказать, что милость Господня безгранична! Я уверен, что Создатель обязательно окажет вам помощь в этом нелёгком деле. Сегодня, дети мои, вы свободны, а завтра жду для очень важной беседы, о содержании которой никто из посторонних не должен знать.

– Что-то случилось, ваше преподобие? – заинтересовался де Брег.

– Нашему городу грозит осада, но об этом после.

– Осада?!

– Ступайте, дети мои. Ступайте и немного отдохните. Времена, да поможет нам Господь, предстоят тяжёлые.

Когда мы вышли из здания Святого Трибунала, то я вдохнул этот пьянящий воздух и посмотрел на шевалье, который был похож на большого кота, вырвавшегося на свободу. Тем не менее ситуация выглядела странной и не позволяла расслабиться в полной мере.

– Признаться, шевалье, это выглядит скверно.

– Что вас так удивляет, Жак?

– Двусмысленность нашего положения. Орландо, судите сами: нас задержали, обвиняя в покушении на святых отцов, и освободили по их настойчивой просьбе. Всё это выглядит несуразно, если не сказать больше.

– Я уже вам говорил, Жак, что вы неглупый малый! Готов это повторить. Это на самом деле выглядит весьма странным, учитывая положение его преподобия и аббата Хьюго, но отец Раймонд, смею напомнить, никогда и ничего не делает просто так. Как бы там ни было, но мы на свободе, а впереди нас ждёт множество событий.

– Осада... – нахмурился я.

– Именно, друг мой, и посему *praeparate bellum*.³

³ *Praeparate bellum* – приготовьтесь к войне (лат.).

Глава 3

– Святые угодники! Господь не оставил нас своей милостью! Пьер, дьявольское отродье, чтоб ты сдох, лежебока! Хозяин вернулся!

Я не успел войти во двор своего дома, как Магда, моя добрая хозяйка, возникла словно из воздуха, что, позволю себе заметить, было весьма затруднительно, учитывая её пышные формы. Она рухнула наземь и даже попыталась обнять меня за колени. Признаться, мне было приятно видеть их радость. Казалось, что отсутствовал целый год! Даже Пьер – здоровый увалень – запыхтел от удовольствия и смахнул несколько слезинок, вознося благодарение Пречистой Деве, уберегшей его хозяина от неминуемой смерти.

Эти простые люди не сильно преувеличивали – оказаться в руках палача было намного проще, чем избежать этого свидания. Пусть я и не описал чувства, испытанные в темнице, но они были не самыми приятными. Шериф, пользуясь своей почти безграничной властью над узниками, мог отправить нас на плаху. Сомневаюсь, что кто-то осмелился бы перечить этому решению и хлопотать о снисхождении к нашим судьбам.

Разделив со слугами свою радость, я распорядился насчёт обеда и прошёл в спальню, где увидел на столе письмо и кожаный кошелек. Судя по цвету сургуча и знакомой печати, сие послание было написано графиней де Фуа. Не успел распечатать, как в дверях возник Пьер.

– Как это понимать? – спросил я и показал ему свиток.

– Письмо от её светлости, – бодрым голосом начал тот. – Принёс слуга. Важный, словно, прости Господи, произошёл от ребра Адама. Вот уж никогда не понимал этого зазнайства! Помнится, мой родной батюшка почитал весьма богоугодным делом выбивать эту блажь из господской челяди, а так как он никогда не был школяром или проповедником, то увещевал при помощи кулаков и крепкой дубовой палки, но весьма обстоятельно и вдумчиво, с таким, прости меня Господь, рвением, что попадало не только грешникам, но и всем прочим, оказавшимся поблизости. – Пьер тяжело вздохнул и перекрестился. – Любой лишился греха гордыни ещё до того, как он, грех, овладевал душой человеческой, и если служанка могла рассчитывать на лёгкий назидательный шлепок, то слуги, возомнившие себя небожителями, рисковали уйти, а то и уползти на четвереньках. Был один случай...

– Когда принесли это письмо? – не дослушав, перебил я.

– На третий день после вашего заточения, сударь! Так вот, мой батюшка...

– Ступай, бездельник!

Я сел на кровать, подарившую не только множество приятных грёз, но и ужасов. Да, я не забыл о своём обещании, данном бестелесному существу – призраку, выяснить причины его гибели, а лишь затем предать останки земле с приличествующими сему действу обрядами и молитвами.

Сидел, держа в руках послание от графини, но мысли возвращались к разговору со святым отцом. Известие о возможной осаде, которым поделился его преподобие, заставило подумать о своей судьбе и судьбе моих друзей и близких. Мне была понятна тревога отца Раймонда и нежелание властей оповещать жителей Баксвэра раньше положенного срока. Срока, который исключит исход, а точнее – бегство, множества ремесленников и мастеров, стремящихся уберечь свои семьи. Городу были нужны люди. Мастера, которые будут производить оружие и латать брешы в крепостных стенах. Женщины, которые будут ухаживать за ранеными и готовить еду для воинов.

Осада...

Не был удивлён осведомлённостью святого отца, но, вследствие своей молодости, не мог оценить тяжесть предстоящих невзгод и тот кровавый ужас, который приближался к

нашему городу. Увы, но юноши забывают о подобных вещах! Мне грезились предстоящие схватки, пьянящие кровь и кружившие голову, словно старое вино из подвалов мастера Гая.

Грехи гордыни и суетной славы, о которых упоминал настоятель монастыря, незаметно поблёкли и ушли прочь, не оставив и тени своего присутствия. Я мечтал о жарких схватках, где смог бы доказать, что Жак де Тресс не зря носит свой меч!⁴

Между тем мне следовало озаботиться о делах насущных, не терпящих отлагательства. В первую очередь сделать запасы, которые не дадут умереть с голоду, если осада затянется. Из рассказов отца и мастера Барта Уэшема я хорошо знал, что в осаждённых городах жители обречены на различные лишения, в том числе на недостаток воды и пищи.

Отбросив размышления в сторону, вдруг вспомнил, что держу в руках послание от её сиятельства. Распечатав письмо, я с удивлением узнал, что графиня Ирэн де Фуа... «более не нуждается в услугах секретаря и наставника для её пасынка, а посему отказывает Жаку де Трессу от места, но, помня о его стараниях, просит принять небольшой подарок».

Ну и дела... Новость хоть и неприятная, но вполне ожидаемая. Я не ждал, что место будет за мной сохранено, пока отсиживаюсь в тюрьме, но – греха не утаить – тешил надежду, что это случится несколько иначе. Недолго продлилась моя служба...

Открыв кошелёк, я нашел пятнадцать полновесных монет, отливающих золотым блеском. Вздохнув, отложил кошель в сторону и решил, коль уж предоставлен самому себе, заняться делами, о которых упоминал чуть выше.

Если вы хоть немного следили за повествованием, то знаете, что мой двухэтажный дом был невелик, но весьма уютен. Слуги жили в небольшой пристройке, а мне хватало спальни и комнаты с камином.

Пообедав – ибо не следует ходить по торговым рядам с пустым брюхом, дабы не впасть в разорительное для кошелька искушение, – я взял с собой Пьера, и мы отправились закупать припасы, должны обеспечить наше безбедное существование.

Рынок был полон. Вёрткие уличные мальчишки, тучные матроны с тяжёлыми корзинами, худые подёнщики и важные торговцы, чей взгляд источал самодовольство, готовое в любой момент обернуться льстивой угодливостью и почтением к власти имущим. Крикливые зазывалы и размалёванные шуты, дающие представления, чтобы карманникам было легче орудовать в толпе прохожих. Нищие, шлюхи, блаженные. Пёстрая смесь нарядов и лиц – всё смешалось в одно целое и походило на некое мифическое существо, заполонившее торговую площадь своим огромным телом. Оно, словно не находя выхода, медленно расплзлось по прилегающим улочкам, опутывая город жадными щупальцами стяжательства и похоти.

Из небольшого кабачка, расположенного неподалёку, доносилось разухабистое пение здешних пропойц, но их сиплые и заунывные голоса вопреки словам песни не веселили, а добавляли серости в жизнь Баксвэра.

С трудом пробравшись сквозь толпу, вышли к торговым рядам и после обязательного торга купили три мешка зерна, несколько копчёных окороков, десяток колбас и приличный бочонок красного вина, которое, как известно, является прекрасным средством для лечения ран и увечий. Добавив к этому баклагу оливкового масла, я подрядил человека с тележкой и приказал доставить покупки к себе домой. Пьер, удивлённый моей расточительностью, был нагружен разнообразной мелочью и также отправлен обратно.

Разобравшись с этими делами, я решил дойти до оружейных лавок, расположенных в западной части рынка, но не успел сделать и нескольких шагов, как наткнулся на шевалье де Брега, который стоял на углу, привалившись плечом к каменной ограде.

– Добрый день, шевалье!

⁴ Как следует из дальнейшего содержания, скорее тяжёлая шпага. (Прим. переводчика.)

– Какого дьявола вы здесь делаете, Жак? Решили купить половину Баксвэра? Смотрите не попадите на глаза слугам Шарля де Бо!

– Простите? – не понял я.

– Вас могут задержать стражники и поинтересоваться, с какой это стати решили сделать такие запасы? – пояснил Орландо. – Может быть, ждёте смуты или каких-нибудь несчастий? Почему? Кто вам сказал? Где живут эти люди? Подозрительность у этих господ в крови, а уж в преддверии осады и подавно!

– Вы шутите?!

– Боже меня упаси, – поморщился де Брег. – Больших бед это не навлечёт, но времени, пока будут разбираться, потеряете преизрядно. Вам это нужно?

– Разумеется, нет.

– Вот и славно, – он кивнул и посмотрел мимо меня, словно старался что-то рассмотреть повнимательнее, но не привлекая к себе внимания. – Кстати, вы, как всегда, вовремя! Просто диву даюсь, каким недюжинным талантом вы обладаете!

– Талантом?

– Талантом впутываться в истории, от которых разумные люди предпочитают держаться подальше.

– Я вас не понимаю... – насторожился я. – Что-то случилось?

– Как вам сказать, Жак... Выйдя из тюрьмы, я, как и вы, решил пройтись по рынку, дабы потом не грызть кожаные ремни, как это было при штурме Лаголи. Кожа, надо заметить, скверная замена каплунам, коими нас потчует мастер Гай Григориус. Не успел я потратить немного денег, как заметил господ, которые, как мне кажется, прибыли в наш город совсем недавно. Они так старательно избегают внимания, что поневоле задумаешься о причинах сей странной благопристойности.

– Где они?

– Извольте взглянуть, – он незаметно кивнул, – три господина рядом с оружейной лавкой, но умоляю, будьте осторожны! Мне бы не хотелось, чтобы нас заметили.

Я, сделав должную паузу, повернулся и бросил взгляд в указанном направлении. Рядом с дверьми, над которыми красовалась вывеска, украшенная рыцарским щитом, стояли несколько мужчин. Среди них можно было заметить троицу, чья скромная одежда никак не подходила к взглядам и горделивой осанке, присущей родовитым дворянам. Описывать их наряды бессмысленно – они больше подошли бы наёмным воинам, нежели этим путникам.

– Обратите внимание на оружие, мой друг, – послышался голос де Брега.

– Да, уже заметил. Оно, несмотря на отсутствие украшений, отличной выделки.

– Как полагаете, Жак, не слишком ли дорогие клинки для этих мнимых простачков?

– Более чем, – согласился я.

– К тому же они крутятся по рынку уже более часа, словно боятся соглядатаев. Два раза направлялись в сторону сарацинских купцов, но каждый раз останавливались на половине пути. Не знаю, как вам, но для меня это выглядит весьма странно, учитывая слова святого отца о скрытых врагах, кои наводнили Баксвэр.

– Что вы хотите предпринять?

– Ещё не знаю. – Шевалье пожал плечами и лениво зевнул. – Мне скушно, вот и пытаюсь развлечься в силу предоставленных судьбой возможностей.

– Хм... Возможно, вы будете удивлены, сударь, но мы не единственные, кто интересуется этими молодчиками, – тихо сказал я. – Видите этих двух господ, которые, как и мы с вами, изображают праздных бездельников?

– Вот дьявол! – поморщился шевалье.

– Они наблюдают за господами, которые привлекли ваше внимание.

– Вы правы... – протянул Орландо и, взяв меня за рукав, увлёк за угол. – Лучше не стоять на виду, словно деревянные куклы в шутовском балагане! Мне это не нравится! Не назову себя приверженцем графа де Бо, но одно дело ему прислуживать, а другое – защищать город, в котором живут мои друзья. Дело может обернуться скверным образом!

– Что предпримем?

– Стойте и наблюдайте за парочкой, которую вы так удачно заметили.

– Почему не за теми тремя?

– Потому что, друг мой, вторые наблюдают за первыми и следят со всем прилежанием к этому, пусть и не самому благородному, ремеслу.

– Если они уйдут...

– То вы проследуете за ними.

– Но...

– Не переживайте, Жак де Тресс, – сказал шевалье, а потом дотронулся до кончика своего носа и усмехнулся: – Я сумею вас разыскать.

Да, я совсем забыл о его сверхъестественном чутье, но не успел ответить, как Орландо де Брег хлопнул меня по плечу и моментально скрылся. Ничего не оставалось, как последовать наказу и продолжать наблюдать за незнакомцами, которые обустроились рядом с лавкой и делали вид, что их увлекли прыжки канатоходца, плясавшего для увеселения горожан.

Глава 4

Не знаю, будет ли вам интересно, но обязан описать этих двух кавалеров более подробно. Что меня искренне удивило, так их непомерно высокий рост! Хотел бы я знать, из каких земель прибыли эти гиганты! Даже Ван Аркон, окажись этот разбойник в Баксвэре, выглядел бы на их фоне весьма и весьма скромно. Полагаю, что они вряд ли планировали раствориться в толпе, над которой возвышались, как две башни над крепостной стеной, но и на городских бездельников, пялившихся на них с нескрываемым интересом, внимания не обращали. Чувствовалось, что это люди знатные, представляющие, что такое простолюдины и как с ними подобает себя вести.

Возраст одного из этих господ я поначалу оценил как весьма и весьма почтенный, но тут же усомнился в своих предположениях, ибо двигался он как человек средних лет и воин в полном расцвете сил. Незнакомец был довольно смугл, а длинные чёрные волосы украшала обильная седина. Усы и борода были велики для правил, заведённых дворянами Баксвэра, а на лице бугрились шрамы, выдававшие бывалого бойца, пережившего не одно сражение. На голове красовался берет из серого бархата с длинным белым пером и серебряной брошью с изображением оскаленного волка. Его русоволосый и зеленоглазый спутник был чуть ниже ростом, но выглядел не менее внушительно.

Должен сказать, что я не хотел бы столкнуться с ними в схватке! Признаю это со всем смирением и честностью! Они казались опасными противниками. Слишком опасными! Даже оборотень, с которым я некогда сразился, выглядел не столь угрожающе. Возможно, вы посчитаете меня излишне впечатлительным, но от них веяло потусторонним холодом!

Что удивило, так это наряды! Пусть их дублеты и не были украшены золотым шитьём, но качество ткани выдавало дорогие вещи, а скромная серебряная вышивка лишь подчёркивала строгое изящество. Весьма странная и не характерная для местной знати скромность! Даже Орландо, известный любитель дорогих одежд, не мог похвастать такими нарядами. Это же касалось и оружия. Эфесы не блистали золотом и драгоценными камнями, но я был готов поклясться, что клинки вышли из рук прекрасного мастера!

Не прошло и получаса, как незнакомцы неторопливым шагом проследовали за троицей, которая опять направилась в сторону сарацинских купцов.

Кстати, должен отметить, что отношение к этим торговцам было весьма двусмысленным. Несмотря на отличное качество товаров, к сарацинам относились с недоверием, подозревая не только в злокозненных происках против добропорядочных христиан, но и в открытом шпионаже, который – что уж греха таить – был извечным спутником всех торговых людей, независимо от подданства и вероисповедания.

Таинственные незнакомцы двигались на приличном расстоянии, но их рост позволял без особых проблем наблюдать за толпой. Стараясь не привлекать к себе внимания, я пошёл следом, но тут меня догнал Орландо. Он вынырнул из толпы и кивнул:

– Не стоит рисковать, Жак. Я уже позаботился о слежке за этими господами.

– Вы уверены?

– Приятели Ван Аркона, оставшиеся в Баксвэре, справятся с этим гораздо лучше нас. Не стоит сбивать ноги, если можно зайти к мастеру Гаю и слегка перекусить. Признаться, я уже проголодался [...]

* * *

...[грем]ел мастер Гай, обращаясь к выпивохам, собравшимся в зале его трактира:

– *Vina bibunt homines, animalia cetera fontes!* Знаете, что это означает, вы, бездельники и пропойцы?! Нет?! Тогда заткнитесь и слушайте! – Он ткнул пальцем в потолок и продолжил свою проповедь: – Только люди пьют вино, а остальные животные потребляют ключевую воду! Поняли?! Это различие, коим нас наградил Всевышний, не позволяет людям вести себя по-скотски, уподобляясь свиньям! Ещё раз увижу кого-нибудь из вас лежащим в луже у моей ограды – выгоню взащей! Клянусь Пречистой Девой и всеми святыми угодниками, чтоб их черти взяли! У меня приличное заведение, а не какой-нибудь вертеп, в котором разбавляют вино водой и подают непрожаренное мясо!

Выпивохи встретили эти слова одобрительным гулом. Послышался смех, а потом и звуки дружеских затрещин, которыми собутыльники награждали друг друга. Вечерело. Мы слегка засиделись в кабачке Гая Григориуса. Я даже начал переживать, что люди, нанятые шевалье де Брегом, не справились с поручением и потеряли след, но едва эта мысль пришла в голову, как распахнулась дверь, и в зал вошёл какой-то продувной малый. Не обращая внимания на выпивох и хозяина, он окинул зал взглядом и направился к нам.

- Они идут в портовый квартал, – тихо сказал он, наклонившись к нашему столу.
- Вот и славно, – произнёс шевалье и поднялся. – За ними кто-нибудь наблюдает?
- Разумеется, сударь. Они никуда не денутся.
- Жак, надо догнать этих господ и побеседовать, – сказал де Брег.
- Как скажете, – кивнул я.

Так уж получилось, что провожатый, следуя каким-то незаметным знакам, вывел нас прямо на этих кавалеров. Они шли медленно, словно прогуливались по саду. Рассматривали дома и тихо беседовали. Воришка, получив от де Брега несколько монет, быстро исчез, а мы, немного прибавив шаг, догнали незнакомцев.

– Добрый вечер, господа! – вежливо произнёс шевалье и прикоснулся к берету. – Вы не будете любезны уделить нам толику вашего драгоценного внимания?

Кавалеры остановились и с удивлением посмотрели на нас. Орlando, желая разрушить некую двусмысленность этого заявления, улыбнулся:

– Дело в том, что нам есть о чём поговорить. Некие господа, за которыми вы наблюдали на рынке...

- Нам не о чем разговаривать, – отрезал седовласый мужчина и поморщился.
- Вы уверены?
- Да. Советую поберечь ваше красноречие для других.
- Господа, вы не поняли... Нам *есть* что обсудить! – шевалье ещё раз улыбнулся и даже развёл руками, но в глазах мелькнул злой огонёк.

– Подите прочь, сударь!

– Однако вы не слишком вежливы! – совершенно справедливо заметил де Брег. – Уж не поучить ли вас изящному обращению, принятому среди людей благородной крови?

Эти господа, поразившие меня своим обликом, молча переглянулись. Русоволосый что-то неразборчиво буркнул, а потом равнодушно, с полным безразличием к предстоящей схватке пожал плечами и обнажил клинок. Сдаётся, что шевалье слегка поспешил, но отступать было некуда, и я выхватил меч [...]

* * *

...[что] это было, Жак?! – хрипел шевалье, стискивая зубы от боли.

– Признаться, я бы тоже хотел это знать! – ответил я, пытаюсь удержать его тяжёлое тело. Моя раненая рука изрядно кровоточила, но я успел перетянуть рану платком, прежде чем де Брег очнулся и заговорил.

– Раздери меня дьявол. – Орlando скривился и опустил на землю. – Эти господа... Эти господа оказались нам не по зубам. Я поторопился и был наказан за свою поспешность.

– Будем считать, что нам повезло.

– Ещё как! Сдаётся, что эти люди, коль возникнет нужда, вдвоём разгонят роту городских стражников. Уф... – Шевалье прищурился и тряхнул головой, будто пытался избавиться от тумана, застилающего вечерний свет.

– Как вы?

– Здорово он мне врезал! – Орlando скривился и дотронулся до головы. – Согласен, что сие противоречит правилам честной схватки, но, раздери дьявол, я готов отдать многое, дабы поучиться у этого господина! Его удар, прах меня побери, просто изумительное средство для врачевания грешников, обуянных чрезмерной гордыней. Как вы, Жак? На вашем рукаве кровь?

– Небольшая царапина.

– Но меч вы не сможете держать около недели.

– Да, вы правы.

– Изрядно... – он вдруг взял и расхохотался, – изрядно нас потрепали!

Шевалье оказался прав. Я был не просто удивлён, а откровенно поражён этой скоротечной схваткой, обернувшейся нашим поражением и не принёсшей ни малейшей пользы. Хотя... Нет, пожалуй, не прав! Как утверждали древние: *est rerum omnium magister usus* – опыт всему учитель!

Если попытаться воссоздать хронологию поединка, то вынужден признать, что сие станет почти непосильным делом. Схватка была слишком стремительной! Пусть и забегаю немного вперёд, но вы, полагаю, простите мне эту маленькую небрежность.

Клянусь Гробом Господним, нас просто избили! Искусство, коим владели незнакомцы, было воистину удивительным! Мне никогда не доводилось лицезреть ничего подобного!

Когда мы обнажили клинки, то так уж получилось, что напротив меня оказался тот самый русоволосый мужчина. Он окинул меня взглядом, а потом встал в совершенно диковинную позицию. Памятуя о наставлениях мастера Барта Уэшема, я был осторожен, но несколько раз пытался атаковать. Увы, все попытки разбивались о сухую и холодную защиту! Возникло чувство, что соперник заключён в каменную башню.

Клянусь, он обращал в прах все законы мироздания! Ломал геометрию поединка, причём делал это столь легко и грациозно, что мне оставалось лишь защищаться. Весьма скоро ему надоело играть, и он нанёс удар мне в предплечье. Дьявол! Даже сейчас вспоминаю этот бой, и моё лицо заливают безудержная краска стыда. Он пожалел меня! Пожалел, как сильный пёс, на которого тявкнул лопоухий щенок...

Позже, когда де Брег оправился от ранений, нанесённых ему седовласым кавалером, он, живописуя свою схватку, почти слово в слово повторил мой рассказ. Разница была лишь в ране, полученной моим другом. Его противник разорвал дистанцию и, упреждая выпад, ударил Орlando кулаком в лицо с такой силой, что шевалье моментально лишился чувств.

Удивительно! Эти люди словно сошли с небес. Был готов поверить в ангелов Господних, покаравших нас за гордыню. Тем паче что незнакомцы оказались настолько благородны, что оттащили нас в сторону от дороги, а один даже оставил платок, дабы я смог перевязать рану. Нам оставалось лишь перевести дух и вознести молитву Всевышнему, к слову, благополучно забытую, а затем отправиться в «Королевскую охоту».

Глава 5

– Клянусь, господа, ваше упрямство сведёт меня в могилу! – Голос мастера Григориуса, которого мы побеспокоили незадолго до полуночи, был полон сострадания. Готовясь оказать нам помощь, он разложил на столе снадобья для врачевания ран и ушибов, а затем упёр руки в боки и недовольно хмыкнул.

– Вы, мастер, мой старый и надёжный друг... – скривился шевалье де Брег и попытался улыбнуться. Улыбка выглядела весьма неубедительной, и трактирщик покачал головой.

– Ну и ну! Скажите, какого дьявола вы подставляете лицо под неприятности, словно под копыта взбесившегося осла, которому под хвост засунули стручок жгучего перца?!

– Всё было не так... – заметил шевалье, поворачивая своё лицо к трактирщику, когда тот тряпицей, смоченной в лечебном растворе, промывал его ссадины и кровоподтёки.

– Вы знаете, Орландо, один мой знакомый священник, которого застали в объятиях своей прихожанки, тоже утверждал нечто подобное, но никто не поверил. Судя по всему, шевалье, вы ввязались в очередную свару! Должен предупредить, что эта затея, какие бы благие цели она ни преследовала, мне определённо не нравится!

– Вы старый ворчун, мастер Гай!

– Да, сударь, не нравится! – отрезал мастер. – Мало того что вы лезете в неприличные для столь знатного кавалера предприятия, но и увлекаете за собой этого юного головореза Жака! При эдаком попустительстве юноша или погибнет, или опять кого-нибудь убьёт, чем доведёт нашего шерифа до падучей!

– Мастер... – примирительным тоном протянул шевалье, но Гай даже не думал униматься. Напротив, он расходился всё больше и больше, грозя нам очередной проповедью.

– Неужели нельзя чинно поужинать в моей харчевне?! Выпить вина, а затем отправиться спать, пусть даже в компании милой и немножко падшей девушки, коль уж вы так охочи до женских прелестей?

– Дамы здесь ни при чём.

– Неужели? – язвительным тоном заметил трактирщик и фыркнул, разглядывая разбитое лицо де Брега.

– Мы ввязались в небольшую переделку с приезжими господами...

– Разошлись во мнениях на бытие святого Августина или обсуждали житие святых?

– Можно сказать и так, – буркнул шевалье и зашипел, как кот, когда мастер Гай смочил рану какой-то едкой жидкостью. – Нечто божественное в этом явно присутствовало.

– Эх, де Брег... Уж лучше бы вы вернулись в скрипторий монастыря Святой Жене-вьевы и продолжали изучать книги! Это как-то безопаснее и полезнее для головы. Мало вам увечий, уже выпавших на вашу долю?

– Я обязательно прислушаюсь к вашим советам, но чуть позже... – кивнул Орландо, когда его мучения закончились.

– Очень на это надеюсь! – ещё язвительнее заявил трактирщик, а потом нахмурился и посмотрел на меня. – Чего вы ждёте, Жак? Снимайте дублет, будем смотреть вашу рану!

Вернувшись домой уже за полночь, я застал Пьера, который сидел на пороге дома и ждал моего возвращения. Встревоженный окровавленной повязкой, он порывался разбудить нашу Магду, но я покачал головой и приказал идти отдыхать. Рана была не опасной и совершенно не угрожала моему здоровью. Тем паче что мастер Григориус смазал её лечебным бальзамом и перевязал чистой тряпицей.

Плеснув в кружку вина, я уселся за стол. В открытое окно доносился пряный запах травы и стрёкот сверчков. Всё случившееся этим вечером так меня утомило, что я, даже не допив вина и не раздеваясь, рухнул на кровать и сразу уснул...

– Вставайте, лежебока! – открыв глаза, я увидел шевалье де Брега, сидевшего на лавке у дверей моей спальни. В окно светило полуденное солнце. Неплохо же я выпался! Во дворе слышался резкий голос Магды, по обыкновению распекающей «бездельника» Пьера, и его жалкий оправдывающийся лепет. Услышав эту уже привычную перебранку, я недовольно поморщился. Господи, когда же они успокоятся и перестанут ссориться?!

– Доброе утро.

– Куда уж добрее! – усмехнулся де Брег, сияя синяком на правой стороне лица. – Пока вы изволили почивать, я изрядно помотался по городу.

– Что-то опять случилось?

– Мне нравится ваше «опять»! Звучит, позволю себе заметить, очень жизнеутверждающе! Вставайте и умывайтесь! Спать в одежде позволительно лишь в походах, а мы, слава Богу, не на войне.

С этими словами шевалье поднялся и вышел в гостиную. Приведя себя в порядок, я присоединился к нему. Орlando де Брег одобрительно посмотрел, буркнул и продолжил:

– Признаться, Жак, эти незнакомые господа, с которыми мы вчера вечером имели честь скрестить наши шпаги,⁵ меня интересуют всё больше и больше. Какими бы они ни были опасными, но я обязан выяснить, что скрывается за их интересом к Баксвэру и этой скромной троице.

– Я, если честно, совсем забыл про этих трёх неприметных господ.

– В отличие от вас, мой юный друг, я не страдаю подобной забывчивостью, – усмехнулся шевалье и задумчиво подкрутил ус, что, учитывая синяк, выглядело весьма забавно. – Мало того, уже имел удовольствие побеседовать с его преподобием, которому эти персоны хорошо известны. Как выяснилось, эта далёкая от святости троица принадлежит к враждебному лагерю, который и угрожает городу осадой.

– Вот как? Значит, их нужно задержать!

– Поздно... – вздохнул шевалье де Брег. – Сегодня утром их нашли убитыми неподалёку от набережной...

– Чёрт меня побери...

– Не богохульствуйте, Жак де Тресс! – наставительно заметил он. – Иногда я думаю, что мастер Гай прав и вы изрядно расслабились в моём обществе. Ещё немного – вы перестанете молиться на ночь, а затем и вовсе пуститесь во все тяжкие, забывая о Божьих заповедях. Эдак и до портовых притонов недалеко!

– Простите, – смутился я, а потом вспомнил, что вчера действительно забыл о вечерней молитве, и это заставило меня покраснеть ещё больше.

– Так вот... Эти господа уже не смогут причинить нам зла, но тайны, коими они владели, унесены в могилы. Жаль! Очень жаль. Я бы с радостью задал им несколько вопросов.

– Это сделали наши вчерашние соперники?

– Больше некому. Они преизрядно навредили своей поспешностью.

– Почему?

– Отец Раймонд, несмотря на мои горячие уверения в непричастности к этому злодеянию, утвердился в мысли, что сие деяние лежит на нашей совести. Не скажу, что его преподобие был сильно расстроен, но мне пришлось выслушать проповедь о поспешности, свойственной неким молодым людям. Он так увлёкся, что я начал переживать о его здоровье.

– Но это ведь сделали не мы!

– Разумеется, но поди докажи это нашему святому отцу, когда у меня разбито лицо! Уже не говорю о ране! – кивнул де Брег на мою перевязанную руку. – Увидь он пронзённую руку, предположения переросли бы в твёрдую уверенность! Так что лучше не спорить, а смиренно

⁵ Так в оригинале рукописи. (Прим. переводчика.)

покаяться. Тем более что с сегодняшнего дня, учитывая возможную осаду Баксвэра, отец Раймонд просил присмотреться к этой истории и даже выдал деньги на возможные расходы. Вот ваша доля!

С этими словами шевалье показал мне два кожаных кошелька, отозвавшихся приятным серебряным звоном. Один кошелёк он убрал за пазуху, а второй положил на стол.

– Как это понимать? Мы поступаем на службу Святому Трибуналу?

– Боже упаси! Нет, Жак де Тресс, мы просто готовимся к осаде, и наш священный долг позаботиться о безопасности Баксвэра. Не вижу ничего предосудительного, если нам за это ещё и заплатят.

– Раздери меня дьявол, Орландо, но вы второй раз умудряетесь получить поручение от святых отцов, которое в точности отвечает вашим намерениям.

– Что вы говорите?! – почти искренне удивился шевалье, но не выдержал и усмехнулся.

– Готов в этом поклясться!

– Вот и славно. Но давайте вернёмся к нашим заботам. Судя по рассказам нашего общего знакомого из городской стражи – сержанта Паскаля Жанэ, три господина убиты незадолго до рассвета, и убили их совершенно непозволительным для дворян методом.

– Каким же?

– Им попросту свернули шеи.

– Какой же силой надо обладать, чтобы...

– Пустое! Сила – это не самое главное. Надо обладать знаниями. – Шевалье дотронулся до ссадины на лице и поморщился. – Знаниями и умениями, кои превосходят наши.

– Возможно, – после недолгой паузы предположил я, – кто-то протягивает нам руку помощи, но мы, вследствие неких причин, этого не понимаем?

– Я хочу выяснить, кто эти два незнакомца и какого дьявола им нужно в Баксвэре. Хочу знать, по какой причине они убили этих господ? Какие цели преследовали?

– Если эти неизвестные нам помогают, то, возможно, не стоит им досаждать? Их дела и поступки во благо Баксвэра!

– Вы уверены, что они пришли с добрыми намерениями? *Timeo danaos et dona ferentes!*⁶ Как бы это не обернулось ещё большими напастями, чем всё доселе произошедшее. Я бы хотел получить аудиенцию у настоятеля, дабы испросить совета, но аббат Хьюго очень плох и не принимает. Ладно, хватит бездельничать! Надо немного прогуляться и развеяться.

– Может быть, попросить помощи у подручных Ван Аркона? – предложил я.

– Браво, Жак! Вы быстро учитесь! Именно так мы и сделаем.

Как я уже рассказывал, Баксвэр нельзя назвать богатым и счастливым городом. События последних лет нанесли тяжёлые удары по благополучию его жителей. Некогда богатые и процветающие кварталы приходили в упадок. Дома ветшали, а обедневшие горожане не спешили звать мастеров, дабы привести в порядок свои прохудившиеся крыши. Мне, надо заметить, в этом повезло. Я, по счастливой случайности, оказался в числе тех, кто поселился в довольно тихом и благополучном квартале.

Наши надежды принесли плоды, и молодчики Ван Аркона, промышлявшие в городе, сумели найти жилище этих господ. Как и предполагал Орландо де Брег, незнакомцы избрали местом для жилья окраину Баксвэра неподалёку от портовых складов.

Дом, в котором поселились эти господа, находился почти на границе между относительно благополучным кварталом корабельных мастеров и опасными переулками морского порта, где было легко попасть в руки грабителей, кои не боялись промышлять даже при дневном свете. Границей между кварталами служила небольшая речка, а если быть точным

⁶ *Timeo danaos et dona ferentes* – боюсь данайцев, дары приносящих (лат.).

– ручей, на берегу которого стоял двухэтажный дом с позеленевшей от времени черепичной крышей.

– Что предпримем? – спросил я у шевалье, когда мы прошли мимо этого жилья.

– Полагаю, что сейчас нет нужды наносить визит этим господам. Хватит нам вчерашней драки. Тем более что их сейчас нет. Дождёмся возвращения в каком-нибудь кабачке, а пока попробуем что-нибудь узнать об их привычках и вкусах.

– Каким образом?

– Поинтересуемся у соседей, – пожал плечами де Брег.

– Вы полагаете, нам расскажут?

– Почему бы и нет? Эти господа здесь чужие, чтобы покрывать их странности, а деньги нужны всем.

Глава 6

Мы уже несколько часов сидели в небольшом кабачке, расположенном неподалёку от жилья этих господ. Кабачок был довольно грязным, а вино напоминало разбавленный уксус, но отсюда были хорошо видны подходы к интересующему нас зданию. К моему удивлению, беседы с местными жителями не принесли ощутимых плодов. Никто из здешних обитателей и понятия не имел, что в этом доме кто-то живёт! По их словам, дом был необитаем уже лет пять, если не больше. Некогда в нём жил корабельный мастер, который был обременён таким количеством детей, что они после смерти своего батюшки так и не смогли разделить наследство по справедливости. Потратив все деньги на судебные тяжбы, они лишились и этого дома, который отошёл в собственность городской казне, но из-за упадка Баксвэра так и не был продан.

– Раздери меня дьявол, – поморщился де Брег, – но я не могу сидеть и ждать, пока эти кавалеры будут так любезны и вернутся под сень своего дома.

– Что вы предлагаете, шевалье? – удивлённо спросил я.

– Уже темнеет, чёрт побери! Может, взять и наведаться в гости?!

– Там же никого нет!

– Меня это мало волнует, – отрезал де Брег.

– Сударь, но это совершенно непозволительно для дворянина!

– Плевать! – Шевалье нетерпеливо поднялся и посмотрел на меня. – В конце концов, Жак, у нас есть отпущение грехов от его преподобия! Давайте посмотрим на жилище этих господ изнутри?

– Шевалье...

– Довольно слов! – коротко отрезал он. – Вы со мной?

– Да.

Надо сказать, что интересующий нас дом выглядел весьма символично: необитаемым и чужим. Стены потрескались, а черепица покрылась клочьями зелёного мха. Каменная ограда, обращённая в сторону портового квартала, частично разрушилась и заросла диким плющом, что позволяло проникнуть во двор почти незамеченным, скрываясь в кустарнике, выросшем на берегу ручья. Что мы и предприняли, пробравшись, словно ночные разбойники.

Поступок совершенно недостойный дворян, но тайна этих незнакомцев и поручение отца Раймонда успокоили мою совесть, примиряя с этим постыдным деянием. Когда добрались до одной из дверей – а их было две, – Орlando остановился и прислушался. Не обнаружив ничего подозрительного, шевалье достал кинжал и каким-то образом сумел открыть замок. Тихо скрипнула дверь. Изнутри пахло неизвестным ароматом и запахом пыли – признаком заброшенного или почти заброшенного жилья.

– Жак, чёрт побери, не стойте на пороге как вкопанный! – прошипел де Брег. Мне ничего не оставалось, как последовать его примеру.

Помещение, в котором мы оказались, напомнило мой собственный дом, но более грязный и запущенный. Небольшая комната, стол, несколько лавок, чёрный зев камина и деревянные колонны, кои поддерживали потолочные, затянутые паутиной балки. Шевалье медленно обошёл комнату, вглядываясь в царивший здесь сумрак. Орlando прекрасно видел в темноте и не нуждался в каких-либо источниках света. В отличие от меня. К счастью, ночь выдалась лунной, и света хватало, дабы не натолкнуться на какую-нибудь лавку или горшок, подняв совершенно ненужный шум.

На столе, стоявшем на середине комнаты, лежали седельные сумки. Рядом – несколько бутылок, остатки ветчины, зелень, кусок хлеба и две глиняные кружки... Орландо подошёл к столу, а потом обвёл взглядом комнату.

- Придётся дожидаться этих господ. Я не уйду, пока не получу ответы на свои вопросы.
- Вы уверены, что это хорошее решение?
- Делать нечего. – Он положил руки на пояс и пожал плечами. – Подождём.
- Может быть, укроемся где-нибудь?
- Хм... Пожалуй, Жак, вы правы. Незачем удивлять хозяев раньше времени.

Я не стал возражать, хотя и очень сомневался, что мы способны удивить обитателей этого жилища. Скорее, наоборот, они могли преподать нам такой урок, что мы запомним его на всю жизнь! Разумеется, если умудрится сохранить головы в целости и сохранности.

Так или иначе, но в дальней стороне этого помещения нашлась ещё одна дверца, которая вела в крохотный чулан. Не знаю, сколько прошло времени – признаться, я задремал, устроившись на какой-то корзине. Сон перебил шевалье. Он взял меня за руку и даже зажал рот, дабы я, вырванный из полудрёмы, не издал лишнего звука. Стукнула входная дверь, и сразу раздались голоса...

Этот неизвестный язык звучал весьма странно. Позже, воскрешая в памяти события той ужасной ночи, я нашёл его отдалённое сходство с греческим. В нём удивительным образом сочеталась сухая резкость эллинов и певучесть моего родного языка.

Незнакомцы переговаривались, но всё сказанное, по вполне понятной причине, осталось для нас тайной. Может, я и покажусь излишне самонадеянным, но мне почудилось, что один из незнакомцев сетовал на некие обстоятельства – в его голосе слышалась раздражённость, а то и усталость. Собеседник, обладавший весьма приятным для слуха *окрасом голоса*,⁷ с лёгкой иронией отвечал на эти жалобы или объяснял причины трудностей, выпавших на их долю.

И вот именно в это мгновение, когда я затаив дыхание слушал незнакомцев, шевалье де Брег вдруг толкнул дверь и сделал шаг вперёд. Наступила тишина. Она была такой звонкой, что я услышал, как трещат свечи, коими была освещена эта комната.

- Мы хотели бы поговорить, господа... – прервал паузу Орландо.

Седовласый незнакомец – тот самый, с брошью на берете – прищурился, будто увидел нечто знакомое в облике шевалье де Брега. После короткой паузы он кивнул своим мыслям и произнёс, причём без тени сомнения:

- Ты зверь. Оборотень.
- Вы правы... – сквозь зубы процедил де Брег и поднёс руку к ножу, который висел на его груди. Тому самому, который облегчал ему обращение в зверя. «Двуликому».
- Даже не думай... – седой воин покачал головой. – Убью. Лучше уходите.
- Мы пришли не за тем, чтобы покинуть этот дом, не побеседовав.
- Вот упрямый зверёныш. – Кавалер повернулся к своему спутнику и что-то сказал. Тот весьма удивлённо посмотрел на шевалье, потом бросил взгляд на меня и усмехнулся. Эта снисходительная улыбка, брошенная в нашу сторону, поразила меня до глубины души! Мало того что незнакомцы с лёгкостью опознали подлинную сущность Орландо де Брега, но и не выказывали при этом ни малейших опасений. Они смотрели на нас, как на неопытных юнцов, кои пристают к бывалым, умудрённым жизнью мужам.

- Побеседовать? Извини, у нас нет времени... Прощай.

Дальнейшие события не поддавались объяснению! Русоволосый мужчина взял седельные сумки, а затем поднял руку, и между колонами возник...

Свет...

⁷ Так в оригинале рукописи. (Прим. переводчика.)

Сначала вспыхнул небольшой, но яркий огонёк, висящий в воздухе! Спустя мгновение он расширился, заполняя пространство огнём, покуда вся комната не озарилась ослепительным белым светом! Он был таким ярким, что из моих глаз брызнули слёзы, а шевалье де Брег замер, не в силах оторвать взгляд от этого чуда. Я хотел поднять руку, дабы осенить себя крестным знамением, но длани словно обмякли и не подчинялись моей воле. Глухо стукнул меч, выпавший из ослабевших пальцев. С большим трудом сумел поднять руку и перекреститься.

– *Credo in Deum, Patrem omnipotentem, Creatorem caeli et terrae...*⁸ – прошептал я.

Шевалье молчал, но было ясно, что он поражён не меньше. Затем... Затем русоволосый кавалер улыбнулся и сделал шаг, исчезнув в этом сиянии! За ним последовал его седовласый друг. Раздался оглушающий хлопок, и всё пропало! Свет погас, и в комнате воцарилась темнота. Свечи, стоявшие на поставце, погасли, исходя тонкими сизыми дымками. Запахло ладаном...

Не помню, как я выбрался из этого дома. Судя по всему, меня вытащил Орландо де Брег. Он усадил меня у порога, вручил найденную бутылку вина, а сам нырнул в чужую темноту комнаты. Не знаю, сколько времени шевалье отсутствовал, но когда вернулся, бутылка почти опустела. Несмотря на спасительный хмель, страх гнезился в моей душе и мешал думать.

Орландо перевёл дух и привалился к оgrade, опутанной зарослями плюща. Из ветвей, потревоженная движением, выпорхнула небольшая птица. Недовольно свистнув, пичуга унеслась прочь, а шевалье проводил её взглядом и устало улыбнулся.

Совершенно обессиленные, мы сидели во дворе дома и молчали. После продолжительной паузы я вернулся к нашей беседе:

– Возможно, всё не так плохо, и мы придали слишком большое значение этому чуду. Мне доводилось читать о неких зеркалах, коими владели чернокнижники, дабы...

– Вы так полагаете? Тогда какого дьявола, Жак, вы уронили свой меч и начали осенять себя крестным знамением, словно увидели Нечистого?

– Мне стало страшно! – честно признался я.

– Неужели?! – усмехнулся де Брег. – Полноте смущаться! Признаться, когда увидел этот дьявольский свет, то был готов принести Всевышнему любой обет, лишь бы оказаться как можно дальше от этого места.

– Это... Это было ужасно! – покачал головой я.

– И это ещё не все загадки.

– Как так?!

– Как вы объясните вот это? – спросил шевалье и вытащил из-за пазухи небольшой лист пергамента тончайшей выделки. – Вот, извольте взглянуть! Подобрал в доме. Эти... господа собирались с такой поспешностью, что, видимо случайно, смахнули его на пол.

Я взял поданный мне листок, развернул и утратил дар речи... Этот рисунок... На нём был изображён замок, у подножия которого лежало озеро, отражая в спокойных водах каменную твердыню. Замок, окружённый стеной и защищённый четырьмя башнями, поверх которых был начерчен пентакль.

– Это же... Нет, этого не может быть!

– Узнали? Рисунок с гобелена графа де Буасси. Тот самый замок, в чьём отражении видна пятая, совершенно лишняя башня. Невидимая глазу, но имеющая отражение в водах озера...

Шевалье посмотрел на восток, где занималась тонкая полоска зари. Летние ночи коротки! Он немного помолчал, а потом вздохнул и подкрутил ус:

⁸ Верую в Бога, Отца Всемогущего, Творца неба и земли... (*лат.*)

– Знаете, Жак, всё это навевает на меня грустные мысли. Мы стали свидетелями чего-то такого, чему я не могу найти разумного объяснения! Нет даже предположений, кои могли бы подтолкнуть нас к разгадке этой тайны... – Он покачал головой и поджал губы.

– Разве вы впервые сталкиваетесь с некими мистическими событиями? – поинтересовался я, причём со всей осторожностью, дабы не обидеть своего друга.

– С такими, как это? Да – впервые.

– Вспомните ведьму из Фортенси. Она исчезла так же внезапно, как и эти незнакомцы.

– Вы ещё неопытны, Жак! Не обижайтесь! Вы умны и со временем познаете множество тайн мироздания. Научитесь распознавать магию живых, которой пользуются знахари, и магию мёртвых, подвластную колдунам и ведьмам. Увидите разницу между чёрной и белой магией. Что бы ни говорили служители Святой церкви, но это различие есть, и оно очевидно! Нет, здесь нечто другое! Этот свет... Клянусь Гробом Господним, но это было похоже на проявление некой высшей сущности!

– Кого вы имеете в виду?!

– Древних богов, описанных в трудах учёных мужей.

– Шевалье, это... – начал я, но де Брег поморщился и лениво отмахнулся.

– Вы, Жак де Тресс, вольны обвинять меня в богохульстве, но иного объяснения не вижу. Скажите, вы что-нибудь знаете о мифических атлантах?

– Увы, ничего.

– Это гиганты! По одной из версий – сыновья богов, а по другой – очень древний народ, описанный ещё Платоном в знаменитом труде «Corpus Platonicum», сиречь «Платонов Корпус», или, если так можно выразиться, «Диалоги». Мне ближе версия о полубогах. Это объясняет их рослую стать, возможности и поступки. Именно поэтому, Жак де Тресс, я и задумался о нашем будущем и тайне Буасси. Если отбросить излишнюю велеречивость, то ответьте на вопрос: куда мы с вами ввязались? Куда, раздери нас дьявол, если это пробудило древних богов?!!

Глава 7

Солнце приближалось к зениту, но поспать нам так и не удалось. После перенесённого ужаса мы едва смогли бы уснуть, но усталость брала своё, и мне хотелось спать. Хорошо, что здесь, в галерее Святого Трибунала, было прохладно...

– Жак, я полагаю, вас не нужно предупреждать о вредном многословии?

– Боже меня упаси! – ответил я. – Конечно же, нет!

– Вот и славно, – кивнул Орландо де Брег. Едва он произнёс эту фразу, как распахнулась высокая, украшенная резьбой дверь, и один из служителей Святого Трибунала пригласил нас пройти. Мы сделали несколько шагов и оказались в кабинете его преподобия. Отец Раймонд вполне оправился от ран, но вставать ему не позволял брат-инfirmарий, заботившийся о здоровье святых отцов, и посему священник принял нас лёжа.

– Слава Иисусу Христу, – сказали мы и склонили головы.

– Во веки веков. Присаживайтесь, дети мои. Вижу, ночь была не самой приятной...

После высказанных его преподобию заверений в нашем отличном самочувствии де Брег поведал историю ночных походов. Он несколько иначе трактовал всё случившееся и ни единым словом не обмолвился о сиянии, в котором исчезли незнакомцы. Орландо сказал, что мы были неловки и упустили этих кавалеров, кои смогли убежать и скрыться. Фортуна, по его словам, дама весьма переменчивая и подчас изменяет даже самым отважным.

Я вполне понимал причины этой недосказанности и возможные последствия. Последствия, надо заметить, не самые приятные как для меня, так и для шевалье де Брега. Такие события подлежали расследованию Святого Трибунала, а сиречь и дознаниям, обрекающим нас на доверительную беседу с палачом. Даже представить страшно, чем бы закончилась эта беседа!

Святой отец выслушал рассказ, изредка уточняя детали, дабы уяснить нашу диспозицию. Следует признать, что он был далеко не глуп и умел *in talibus causis*⁹ быть настойчивым, выуживая из собеседника необходимые сведения. Даже вопреки воле последнего. Закончив свой рассказ, шевалье де Брег ещё раз выразил сожаление и умолк.

– Сие не ваша вина, дети мои, – сказал священник. – Вы сделали всё, что могли, и даже больше. Тем паче учитывая ваши... Ваши раны. Пожалуй, так даже лучше. Смерть известных вам персон, кои возжелали навредить Баксвэру, отсрочит осаду. Отсрочит... – Святой отец наставительно поднял руку и сделал весомую паузу. – Но не спасёт...

– Всё в руках Господа нашего, – кротко заметил шевалье де Брег.

– Не следует во всём полагаться на Божью милость, сын мой! Сие ослабляет душевное рвение и радение в делах, кои по силам даже простым смертным!

– Вы, как всегда, правы, святой отец.

– Эта отсрочка, – продолжал священник, – подарит нам немного времени для завершения важных дел. Надеюсь на вашу храбрость и хочу поручить миссию, важную не только для Баксвэра, но и для всей Святой церкви. Вам необходимо сопроводить неких господ, имена которых вы узнаете чуть позже.

– Как далеко они намерены отправиться? – поинтересовался де Брег.

– В замок Буасси.

– Буасси?! – не сдержался я.

– Именно так, – подтвердил его преподобие. – Вы, Жак, ведь уже бывали в тех краях?

– Да, святой отец.

– Вот и прекрасно! Знакомая дорога всегда выглядит короче.

⁹ *In talibus causis* – в таких случаях (лат.).

– Это основная цель нашего путешествия? – спросил де Брег и прищурился.

– Нет.

– Будет ли дозволено узнать весь путь?

– Разумеется. Из замка Буасси направитесь на северо-восток, в один из замков, который назовут ваши спутники. Это будет венцом путешествия. После этого вы сможете вернуться в Баксвэр и продолжить готовиться к обороне города. Дабы немного облегчить вашу миссию, благословлённую Господом нашим Иисусом Христом, досточтимый шериф согласился выделить несколько воинов под началом сержанта Паскаля Жанэ. Полагаю, что его общество скрасит дорогу. Вы, если не ошибаюсь, с ним дружны?

– Да, мы хорошо знакомы, – кивнул де Брег.

– Деньги получите в казне Святого Трибунала. Я уже отдал необходимые распоряжения.

– Мы благодарны за вашу щедрость, святой отец!

– Пустое! Орландо, сын мой, вы не откажете мне в любезности сходить к брату-эконому и получить всё причитающееся, пока мы с Жаком немного побеседуем?

– Разумеется!

– Вот и славно.

Шевалье бросил на меня весьма красноречивый взгляд и вышел. Едва за ним закрылась дверь, как отец Раймонд поднялся с кровати, причём сделал это с поразительной лёгкостью.

– Жак... – начал его преподобие. – Скажите, вы тверды в своей вере?

– Разумеется, святой отец! Как же иначе!

– Рад слышать, сын мой. Ваши дела и поступки свидетельствуют не только о храбрости, но и о недюжинном уме, а посему скажу прямо: порученная вам миссия весьма опасна.

– Я готов к любым испытаниям! – начал я, но священник мягко перебил мои уверения и продолжил:

– Опасна, но старания будут оценены по достоинству! Вы, если не ошибаюсь, мечтали о возможности изучать книги? – Священник выслушал мой сбивчивый ответ и благодушно кивнул: – Похвально! Весьма похвально! Церкви не хватает молодых людей, которые бы стремились познать тайны мироздания, как поступает Орландо де Брег. Он прекрасный и верный церкви дворянин. Я всецело ему доверяю, но... Он часто бывает недопустимо горяч и, увлечшись какой-нибудь идеей, может упустить нечто важное.

– Я вас не понимаю, святой отец...

– Вы всё прекрасно понимаете, сын мой. Будьте внимательны в этом путешествии и не теряйте голову, даже если попадёте в отчаянное положение. Помните, этим вы окажете неоценимую услугу Святой церкви, а она, уж поверьте, умеет не только строго спрашивать за грехи, но и награждать за верность. Не обманите моих надежд и сможете добиться весьма многого. Тем паче с нашим благоволением и покровительством.

Когда вернулся шевалье де Брег, его преподобие благословил нас и отпустил. Мы вышли из здания Святого Трибунала, и Орландо усмехнулся:

– Бьюсь об заклад, Жак, что отец Раймонд советовал за мной приглядывать?

– Что вы такое говорите, шевалье!

– Не лукавьте, Жак! Вам это не к лицу. Разве я не прав?

– Он считает вас излишне горячим, – признался я.

– Как это мило... Ладно, не переживайте! Наш святой отец любит подобные наставления. Разделяй и властвуй, чёрт меня побери! Эта истина будет главной во все времена. Как вы отнесётесь к предложению отобедать?

– С удовольствием! На часах уже за полдень, а в животе ещё и завтрака не было [...]

* * *

...[снач]ала мы отобедали в заведении Гая Григориуса, где разделили деньги, полученные Орландо де Брегом. Надо заметить, что после всех приключений у меня собралась изрядная сумма, а воспитание не позволяло тратить деньги бездумно. Я мог вполне безбедно прожить больше года, если бы не угроза осады Баксвэра и последующая за ней неопределенность.

Домой попал уже поздно вечером. Войдя во двор, я был удивлён, не услышав перебранки между слугами, но заглянул в пристройку и обнаружил их спящими. Судя по беспорядочно разбросанным одеждам, они пришли к некоему соглашению, да так, что разделили одно ложе на двоих! Слава Всевышнему... Пусть и во грехе, но в тишине и мире!

Как бы ни старался, но мысли о пережитом не покидали меня. Потомки языческих богов, о которых упомянул шевалье де Брег, не давали покоя. Тайна графского рода, несчастный гобелен с изображением замка, вражда святых отцов и грядущая осада Баксвэра...

Мой воспалённый разум окончательно потерялся в безумном нагромождении фактов и событий, очевидцами и участниками которых мы стали. Вопреки собственной воле или по воле Божественного провидения – сие мне неизвестно, а поэтому был не просто удивлён – был раздавлен.

Ещё больше меня потрясла растерянность Орландо – я привык, что острый ум и богатый опыт моего друга всегда находили верное толкование и понимание происходящего. Не в этот раз... В нашу жизнь вошло нечто новое. Огромное и непонятное, превосходившее всё, доселе известное.

Так как шевалье был занят скорбными делами, связанными с его тяжёлым недугом, то несколько дней я предавался вынужденному безделью и посвятил свой досуг подготовке к дороге. Заглянув к оружейнику, выбрал себе новый меч. Сумма, выданная святым отцом, позволяла потратить деньги на достойные вещи. После некоторых раздумий я выбрал один из клинков, изготовленных к востоку от нашего королевства. Позже, претерпев некие изменения, такие мечи получают название *spada da lato* и станут спутниками многих известных воинов, чьи подвиги займут достойное место в летописях нашего королевства.

Решившись на покупку, я заплатил деньги и отправился к торговцу лошадьми, где купил превосходного жеребца вороной масти по прозвищу Альто. Ещё немного денег потратил на седло и прочие мелочи вроде седельных сум и попоны. Под конец зашёл к портному, у которого заказал новый костюм и дюжину рубашек. Вспомнив загадочных незнакомцев, я попытался объяснить мастеру свои пожелания о скромном, но достойном дорожном наряде.

Покончив с делами, завернул и к мастеру Гаю Григориусу, дабы немного подкрепиться и похвалиться своими покупками. Жеребец был чертовски хорош! Пусть он был и недоволен своим новым хозяином, но после нескольких курбетов – вовремя мной осажённых – признал моё умение и оставил проказы.

Прошло не меньше недели, прежде чем де Брег получил письмо. Мы как раз находились в заведении Гая Григориуса, где обсуждали небольшие сложности, кои могли возникнуть в дороге. Письмо принёс один из серых братьев.

Уже в который раз удивляюсь их осведомлённости, касающейся городской жизни! Судя по лёгкому налёту пыли на сандалиях слугителя, ему не пришлось искать де Брега по всему городу. Он точно знал, что, прогулявшись до «Королевской охоты», выполнит это поручение без особых хлопот, минуя долгую дорогу до монастыря Святой Женеьевы, подле которого и находился дом шевалье.

– Кто эти люди, которых мы должны сопроводить в замок Буасси? – поинтересовался я, когда шевалье закончил читать и отложил письмо в сторону. Он не ответил. Долго молчал,

уставившись на огонь свечи, а затем провёл рукой по лицу, словно хотел избавиться от неких неприятных видений.

- Шевалье?
- Да, Жак, я вас слушаю.
- Кого мы обязаны сопровождать? – повторил вопрос я.
- Графиню Ирэн де Фуа и священника из Святого Трибунала – Даниэля Сагальского.
- Зачем им в замок Буасси?!
- Вы это у меня спрашиваете? – раздражённо спросил он.
- Разумеется...
- Извольте! Я не знаю! Мастер Григориус!
- Что вам угодно? – отозвался хозяин.
- Дайте кувшин красного! У меня в глотке пересохло.

Глава 8

Священник возник в дверях неожиданно. Он вошёл в таверну, поморщился и обвёл зал тяжёлым взглядом, в котором явственно читалось осуждение всех, здесь присутствующих. Это был мужчина лет двадцати пяти, с удивительно бледным лицом и тонкими запястьями. Примерно моего роста, но облачение серого братства подчёркивало его худобу, и он казался чуть выше. Святой отец разглядел шевалье де Брега и направился к нам, безглаголиво обходя посетителей этого заведения.

Не скажу, что эта встреча обрадовала Орландо. Тем более что шевалье был изрядно пьян, а я знал, чем это грозит излишне докучливым людям. Напряжённый взгляд, поджатые губы. Казалось, что ещё немного – и де Брег оскалится. Он пребывал в скверном расположении духа – его тяжкий недуг, который требовал полнейшего уединения, действовал не лучшим образом. После возвращения шевалье всегда был хмур, неприветлив и жутко вспыльчив.

- Слава Иисусу Христу, – поприветствовал нас священник.
- Во веки... ик... Во веки веков, – отозвался де Брег и поднял голову. – Что вам угодно?
- Мне угодно с вами побеседовать о поручении его преподобия.
- Присаживайтесь. Вина?
- Благодарю – нет.

В этот момент к нам подошёл Григориус. Он, не услышав слова отца Даниэля, предложил ему промочить горло. Священник попросил принести воды.

- Простите? – мастер Гай решил, что не так понял. – Что вам подать?
- Кружку воды.
- Вы что, намерены её выпить? – доверительным шёпотом спросил хозяин.
- Разумеется.

Священник, отказавшийся от вина, лишь усугубил состояние де Брега. Гай Григориус, надо заметить, тоже был не в восторге. Он поморщился, будто ему предложили съесть кусок сырого мяса, а затем окинул отца Даниэля полным сожаления взглядом, в коем сквозила уверенность в душевной болезни, поразившей этого святошу.

- Воды... – тихо промолвил Григориус. – Вы уверены?
- Да! – резко ответил священник.
- Помилуй меня, Господи... – прошептал мастер, потом взглянул на де Брега и ушёл.

Он вернулся через некоторое время и поставил на стол кружку с таким видом, будто подавал яд и уже заранее сожалел о смерти несчастного.

– Клянусь всеми святыми, – пробурчал де Брег, – вы первый священник, который не пьёт.

- Я бы попросил вас... – перебил Даниэль, но шевалье только отмахнулся и продолжил:
- Который не пьёт вина и не шляется по гулящим девкам. Ик...
- Шевалье!
- Что? Предадите меня анафеме? *Dominus vobiscum*,¹⁰ святой... ик... отец. Я не против этого развлечения, но кто в этом случае сопровождает вас в замок Буасси?
- Вы позволяете себе лишнее, Орландо де Брег!
- Оставьте!
- Я буду вынужден обратиться к его...
- Право слово, вы становитесь скучным! Нет, я слышал, что где-то, – шевалье скрипнул и неопределённо махнул рукой, – очень далеко, разбавляют вино водой. Ересь,

¹⁰ *Dominus vobiscum* – Господь с вами (лат.).

конечно, но мало ли чудаков, кои пробавляются на этой земле, попирая мудрость Господню? – Шевалье прищурил один глаз и посмотрел на священника. – Пить воду вместо вина?! Это, вы уж простите, даже не ересь, а нечто большее! Пренебрежение всеми христианскими заповедями! Ик... Красное вино, святой отец, это кровь Христова! Даже сарацинские купцы этим грешны. Честное слово! Правда, они бражничают лишь после захода солнца, но пьют! Пьют как лошади! Ик... Ладно, прах вас раздери! Вы хотели что-то обсудить? Может быть, обсудим здешних блудниц? Нет? Отчего же? Разве позволительно отвергать заблудшие души? Святой отец, вы забыли притчу о монахе и гулящей девке? Хотите расскажу?

– Поговорим в следующий раз, – сухо произнёс отец Даниэль и поднялся. – Когда будете трезвы.

– Эдак... Ик... Эдак вы можете ждать до второго пришествия!

Когда священник ушёл, я посмотрел на де Брега и покачал головой:

– Вы говорили, что неплохо ладите с этим человеком.

– Я лгал.

– Зачем?

– Все лгут, Жак! – сказал он и пожал плечами. – Женщины, мужчины... Все! Ик... Даже нечисть, да простит меня Господь, и та лжёт в надежде на лёгкую смерть!

Он посмотрел на меня, потом перевёл взгляд на остатки трапезы и поморщился. Немного помолчал, выпил ещё вина и поднял голову:

– Жак, хотите знать, как я убил первого кровососа?

– Вы говорите о вампирах?

– О ком же ещё, чёрт бы меня побрал?

– Если вы желаете беседовать, то... – признать, я даже слегка растерялся.

– Да, желаю! Желаю предостеречь вас от ненужных разочарований и боли, а этих чувств в нашем мире больше чем требуется! Вампиры... Будь они прокляты! – Он поморщился, отхлебнул вина и кивнул. – Это было лет пять назад. Я был молод, глуп и неопытен. Жалкий щенок, который решил освободить мир Господень от нечисти. Ладно, – он пьяно отмахнулся и оскалился, – слушайте. В маленьком городке, почти деревне, находящемся в неделе пути от Баксвэра, начали пропадать люди... Одни исчезали навсегда, а другие были найдены бездыханными и обескровленными. Последней жертвой, переполнившей чашу терпения, стал благообразный старик-священник. Люди его любили. Он был хорошим наставником и знал толк в болезнях, кои врачевал с изрядной ловкостью. Староста прислал письмо аббату Хьюго, а тот, в свою очередь, показал его мне. Разумеется, я воспылал желанием раскрыть эту тайну! Заручившись благословением и необходимыми снадобьями, отбыл в это селение...

Де Брег замолчал и устался на пламя очага, словно увидел в нём своё прошлое. Вокруг нас шумели люди, но всё это вдруг отдалилось и стало чужим и ненужным. Чувствовал, как ему больно. Эта боль плескалась в глазах, заполняя душу воспоминаниями. Он провёл рукой по лицу, а потом, после небольшой паузы, продолжил рассказывать:

– Добравшись до этой деревни, я узнал, что за седмицу погибли ещё несколько человек. Людей обуял ужас! Они были так испуганы, что забили кольями мясника, вся вина которого заключалась лишь в том, что он, упокой Господь его душу, имел привычку выпивать кружку свежей крови, когда резал свиней. Жителям этого показалось мало, и они сожгли его дом.

– Сожгли? За что?!

– Они сочли это весьма богоугодным делом! – пожал плечами шевалье. – Сожгли вместе со всей семьёй – женой и малолетними детьми. Чуть позже забили камнями дряхлого старца, который порезался ножом, когда чинил ограду, и слизнул несколько капель крови. Несколько капель крови, раздери меня дьявол! Вы представляете состояние этих людей?

Те, кто был побогаче, покинули деревню, а прочие остались, живя в постоянном ожидании смерти. Так продолжалось до тех пор, пока не убили сына старосты. Помню, на погребение собрались все жители. Видели бы вы, Жак, как убивалась его невеста! Девушка была готова лечь рядом со своим возлюбленным, лишь бы не разлучаться. Это было ужасное зрелище. Бедное дитя... Люди, даже испуганные этими событиями, не могли сдержать слёз.

– Это была она?

– Кто? – не понял де Брег.

– Эта невеста. Она была вампиршей?

– Господь с вами, Жак де Тресс! Это было бы совсем скверно! Не оскверняйте их любовь такими грязными мыслями! Всё было проще и потому ещё противнее. Пока люди смахивали слёзы, я стоял неподалёку и наблюдал. Знал, что среди них есть вампир...

– Вы нашли его?

– Конечно, – пьяно усмехнулся он. – Я же Орландо де Брег! Как мог не найти эту тварь?

– Каким образом?

– Очень просто! В одно из мгновений моё внимание привлекла одна девочка. Господи, ей было всего пять или шесть лет! Суший ангел! Белые кудри, красивое личико. Она держалась за юбку своей матери и, казалось, не понимала, что здесь происходит. Почему плачут люди? Почему рыдает красивая девушка, убиваясь над гробом любимого? Только вот...

– Что?!

– Украдкой малышка бросала взгляды на стоящих рядом людей, облизывалась, и в её чудных глазках пылал огонь Преисподней!

– Это невозможно! – прошептал я. – Она же была совсем крохотной!

– Слава Богу, что вам не довелось с ними сталкиваться! – фыркнул де Брег. – Они очень сильны. Такая малышка может завалить даже здорового и крепкого мужчину! Прыгнет ему на спину, перекусит хребет и будет спокойно пить кровь, а он даже пошевелиться не сможет. Но и тут не всё просто. Мать девочки, зная о болезни и жалея свою малышку, помогала ей охотиться! Привечала мужчин, а потом, когда очередной воздыхатель был утомлён любовными играми, появлялась маленькая дочь и убивала...

– Что было дальше?!

– Я заявился к ним вечером и предъявил обвинения. Девочка пыталась броситься на меня. Пришлось отрубить ей голову. Потом я потребовал, чтобы бедная мать наложила на себя руки. Сидел и смотрел, как она корчится в петле. Тело девочки утопил в болоте, и злодеяния в Вейморе прекратились.

– Погодите, шевадь! Это случилось в Вейморе?! Пять лет назад?!

– Да.

– Эта повесившаяся женщина, – поражённый догадкой, воскликнул я, – и её исчезнувший ребёнок!

– Браво, Жак де Тресс! Я всегда говорил, что вы умница!

– История, о которой нам рассказывал старый мельник!

– Именно! Странно погибшая супруга и пропавшая дочь Дарга – конюха его светлости графа де Буасси. Всё тайное когда-нибудь становится явным! Женщина переживала за свою дочь и отвезла её в Веймор в надежде, что священник сумеет вылечить малышку.

– Разве можно излечиться от вампиризма?

– Сие сложно, но учёным и медикусам известны такие случаи. Доводилось видеть, как это происходит, – поморщился шевадь. – Не самое приятное зрелище, но это, мой друг, уже совсем другая история. Итак... Поначалу женщина не решалась обратиться за помощью, а потом было уже поздно.

– Почему?

– Девочка выбралась ночью из дома и убила святого отца. Она была... голодна.

- Господь Всемогуций!
- Вы удивлены, Жак де Тресс?
- Я бы не назвал это чувство удивлением...
- Пустое! Всё в этой жизни связано! Одно злодеяние тянет за собой другое, переплетаясь в тугой клубок человеческих грехов и пороков. Вот поэтому, Жак, мне тревожно.
- В чём же причина ваших тревог?
- Сдаётся, что последние события, в которых нам довелось поучаствовать, тоже имеют под собой нечто общее. Знать бы, что именно!
- То, что вы рассказали... Это ужасно.
- Неужели? Мне показалось, это вас позабавит. Неужели плохая история?
- Избави Бог лицезреть такие ужасы!
- Жак, а что именно вас так испугало? – с непонятной ухмылкой спросил Орландо.
- Девочка, которая была вампиром, разумеется!
- Неужели? Как предсказуемо. Люди, которые сожгли невинную женщину с детьми, убив её мужа, и забросавшие камнями старика, вас что, не пугают?!
- Они... Они же были испуганы!
- Разве перенесённый страх может оправдать грех? Тогда почему вы не оправдываете эту малютку, вина которой была лишь в болезни? – поморщился шевалье. Потом повернулся и крикнул: – Мастер! Какого дьявола слуги ещё не принесли нам вина?!!

Глава 9

– От этих парней смердит, как от стада свиней! – Орландо де Брег скривился и покосился на воинов, отправленных с нами для защиты путешественников. Он не выдержал и сплюнул, наклонясь чуть в сторону от седла: – Тьфу, дьявол, хоть бы ветер подул!

– Эти болваны никогда не бывали на сарацинских землях, – равнодушно пожал плечами Паскаль Жанэ, – и не могли перенять тамошних привычек о чистоте тела. Шериф, да простит меня Господь, тоже изрядно ленив и не радеет за порядок в городской страже. Он больше заботится о пополнении казны!

– Казны Баксвэра или своей собственной? – спросил де Брег.

– Как вам сказать, сударь... – не скрывая улыбки, хмыкнул Паскаль.

– Если он не смотрит за собой, то я не удивлён отношением к этим воинам! В первом же бою половина умрёт от ран, заражённых телесной грязью. Я на такое насмотрелся ещё при Лаголи.

– Я тоже, – вздохнул сержант. – На какой стороне изволили выступать?

– Имел честь защищать этот славный город. А вы, Паскаль?

– Имел честь его штурмовать! – кивнул Жанэ и подкрутил усы. – Славное было время!

– Вы совершенно правы, – согласился де Брег и умолк.

Мы выехали из Баксвэра два дня тому назад. Погоды, надо признать, не радовали. Мне, выросшему в Ровальи, здесь было слишком жарко. Я отстегнул от дублета рукава и щеголял новой рубашкой, которую сменил этим утром, но она уже успела покрыться пылью и стать серой. Солнце казалось таким белым, что выжигало небесный свод, не оставляя ни малейших надежд на облака, кои могли подарить толику спасительной прохлады.

Дорога шла через пустошь, покрытую выгоревшей на солнце травой и редкими клочьями кустарника. Серые валуны и пыль, пыль... Лошади избивали подковами землю и недовольно всхрапывали в ожидании положенного отдыха. Паскаль Жанэ что-то обсуждал с де Брегом, а потом поднялся в стременах и указал двум воинам на далёкую, едва заметную рошу. Они молча кивнули и сорвались в галоп, понукая плетью уставших лошадей. Шевалье проводил их внимательным взглядом, поморщился и покачал головой. Надо признать, что они и правда сидели в сёдлах не лучшим образом.

– Эти парни не так давно служат, – словно извиняясь за своих воинов, сказал Жанэ.

– Что, шериф не выделил вам старых и проверенных бойцов? – удивился Орландо. – Сие выглядит довольно странно...

– Камрон изрядная сволочь, – не выдержал Паскаль. Он провёл рукой по своим пышным усам и выругался, пророча шерифу адовы муки за его бездумную праздность.

Наша кавалькада растянулась на приличную длину. Судите сами! Карета её светлости, в которой ехали графиня де Фуа, её пасынок Теодоро, служанка и священник. Следом – четыре кавалера, взявшихся сопровождать Ирэн в этом путешествии. Повозки с вещами и челядью графини. Стражники под предводительством Паскаля Жанэ и четыре выюнные лошади с дорожными припасами для воинов. Я, Орландо де Брег, а позади пылили ещё две лошадки, на которых ехали наши слуги.

Да, мне пришлось взять с собой Пьера. Как ни крути, но в дороге его помощь будет не лишней. Слуга шевалье, как уже говорил, был здоровенным мужчиной лет тридцати. Признаться, даже не знал его имени. За весь путь он не проронил и дюжины слов, что сильно расстраивало Пьера, любившего почесать языком, а особенно на должном расстоянии от нашей Магды, изводящей его придирами и упрёками. Даже сейчас до меня долетали отрывки нескончаемых историй, коими Пьер пытался разговорить молчаливого спутника:

– Мой батюшка, да будет вам известно, к женщинам относился со всем уважением, памятуя о словах Господних, кои призывают возлюбить ближнего как самого себя. Что он и делал со всем старанием, не делая различий между женой собственной и женой ближайшего соседа. Она, кстати, совершенно не противилась этим знакам внимания. До тех самых пор, пока её муж не застукал их на сеновале. Они так щедро делились любовью, что совершенно упустили из виду возможные последствия библейской заповеди, которая могла обернуться изгнанием из рая...

Разумеется, он, как всегда, всё перепутал, но что тут поделать – мой слуга никогда не был силен в богословии. Вам, господа, ещё повезло, что я не упоминал его историй о бабушке! Женщине, как следовало из рассказов, весьма почтенной, но острой на язык и скорой на руку.

Графиня...

Ирэн де Фуа была изрядно напряжена, и такое поведение меня искренне удивляло, если не сказать больше – удручало. Ещё в Баксвэре, когда мы прибыли, дабы отправиться в путь, она едва удостоила нас холодным кивком, обратив всё внимание на незнакомых мне дворян. Орlando де Брег после такого приёма выглядел не лучше. Выражение его лица, и без того не самое приветливое, уподобилось железной маске.

Большую часть дороги мы ехали рядом с Паскалем Жанэ, который своим общительным нравом разбавлял хмурость де Брега. Я старался поддерживать разговор, но, памятуя о своём возрасте, не досаждал старшим вопросами, хотя мне и было любопытно послушать про осаду Лаголи, о которой они упоминали в своих беседах.

Не прошло и получаса, как мы добрались до вышеупомянутой рощи. Воины, посланные сержантом, не обнаружили ничего подозрительного, и мы могли рассчитывать на спокойный отдых. Лагерь был обустроен на краю зарослей, где рядом с двумя замшелыми валунами бил родник. Кто-то, да поможет ему Господь за сей богоугодный труд, выкопал рядом с этим источником яму и обложил её плоскими камнями, дабы можно было набрать воды, а заодно ополоснуть лицо, смывая дорожную пыль и усталость.

Слуги графини быстро поставили шатёр и начали готовить ужин. Кстати, ужинали мы тоже отдельно, что ещё раз подчеркнуло отношение Ирэн ко мне и Орlando де Брегу. Не скажу, что меня это обидело, но заставило задуматься. Священник находился подле графини, но, судя по выражению лица, был не рад обществу кавалеров, развлекавших её беседами.

Что и говорить – обрывки некоторых фраз, долетающих до наших ушей, могли смутить даже Паскаля Жанэ, а не только святого отца. Скабрёзность и богохульные шутки, коими обменивались дворяне, были излишне грубыми. Сие удивило меня ещё раз – графиня, как помнится, не жаловала такого поведения.

Лагерь засыпал...

В темноте, разбавленной пением неутомимых сверчков и стрёкотом цикад, слышалось фыркание лошадей и тихие беседы караульных, коротающих время у костра. Пискнула птица. Я проснулся после полуночи. Подбросил в затухающий костёр дров, зевнул и поёжился от ночной прохлады. На небосводе серебрились звёзды. Где-то завyli волки, и лошади тотчас ответили тревожным и недовольным всхрапом.

Уже собирался лечь, но тут заметил какую-то тень, мелькнувшую в полумраке. Не знаю, что меня заинтересовало, но почувствовал лёгкую тревогу. Этим неизвестным мог оказаться любой из наших спутников, но почему он двигался крадучись, словно всеми силами старался остаться незамеченным?

Обернувшись, увидел, что де Брег не спит. Он напряжённо, с лёгким прищуром, смотрел в темноту. Заметив вопрошающий взгляд, шевалье прижал палец к губам, а затем поднялся и кивнул, приглашая следовать за ним... Не прошли мы и двадцати шагов, как Орlando

резко остановился и присел. Я последовал его примеру, не понимая, что здесь происходит, но тут мой взгляд упал на карету графини де Фуа.

Рядом с ней виднелась человеческая фигура, склонившаяся у заднего колеса. Незнакомец стоял на коленях и что-то делал, но мне в отличие от шевалье было не разглядеть всех подробностей. Через несколько мгновений человек поднялся и крадучись ушёл в сторону. Некоторое время мы молча наблюдали и прислушивались, а потом Орlando похлопал меня по плечу и показал в сторону костра:

– Уходим...

Однако не успел я подняться, как шевалье рванул меня за пояс и свалил на землю.

– Вот дьявол! – прошипел де Брег. – Что он здесь делает?!

В дюжине шагов от нас возникла ещё одна фигура, которая настороженно вглядывалась в ночную тьму. Пусть было и темно, но долговязую фигуру святого отца было невозможно спутать ни с одним из спутников, тем более что священник шёл в нашу сторону от лагеря, и до него долетали отблески костров.

– Это же отец Даниэль! – прошептал я.

– Надеюсь, он нас не заметил, – пробурчал де Брег. – Тьфу, бездельник! Не спится ему... Давайте обойдём этого святошу и вернёмся в лагерь.

– Кто это был, шевалье? – спросил я, когда мы подошли к нашему костру.

– Подле графской кареты? Один из стражников, – ответил де Брег и, предупреждая мой вопрос, продолжил: – Он окропил колёса каким-то снадобьем из фляги.

– Зачем?

– Надо полагать, чтобы оставить хорошо осязаемый след на дороге.

– За нами кто-то гонится?!

– Возможно.

– Ну и дела... Знать бы кто.

– Жак, я могу лишь предположить, но что нам толку с этих пустых размышлений? Меня пугает другое – я не почувствовал запаха этой жидкости. Будь эти преследователи простыми людьми, запах был бы нужен для псов, обученных идти по следу. Такие запахи я чувствую гораздо лучше, чем собака, но... – шевалье насупился и покачал головой.

– Может быть, здесь нечто иное?

– Возможно. Недаром этот святоша... – начал де Брег и вдруг осёкся, словно ему в голову пришла какая-то догадка.

– Что?

– Он разглядывал карету сквозь кусок странного стекла... – задумчиво протянул шевалье.

– Зачем? – удивился я. – Это что, колдовство?!

– Чёрт знает, – поморщился де Брег. – Святой Трибунал умеет хранить свои тайны, а их арсеналу позавидует любой экзорцист! Не удивлюсь, если отец Даниэль владеет одним из приспособлений, кои облегчают борьбу с нечистью.

– С нечистью?!

– Неважно, – отмахнулся он. – Как бы там ни было, потребуется всё наше внимание. Я не знаю, скольким людям мы можем доверять.

– Разве что священнику, – пожал плечами я.

– Сагальскому? – прищурился шевалье. – Пожалуй. Судя по всему, он тоже опасается нападения, поэтому и страдает от бессонницы.

– Может быть, нам следует поговорить со святым отцом?

– Зачем?

– Дабы объединить наши силы, разумеется!

– Нет, не стоит. Он жутко недоверчив, а узнай, что мы его видели, замкнётся ещё больше. В лучшем случае. В худшем – испугается и может совершить ошибку, которая нас выдаст и приведёт к преждевременной развязке.

– Что же нам предпринять?

– Ничего! Этой ночью уж точно никто не нападёт.

– Вы так уверены?

– Конечно. Зачем было помогать преследователям, если они уже рядом? Нет, этот парень окропил колёса для завтрашнего пути, следовательно, погоня ещё не близко. Завтра удвоим наше внимание и будем настороже.

– Мне кажется, что я и глаз не сомкну!

– Спите спокойно! – усмехнулся де Брег и закинул руки за голову. – Пусть вам приснится что-нибудь хорошее...

– Жареный каплун, – пробормотал я, уже проваливаясь в сон.

– И девушка... – вторил мне шевалье. – Посговорчивее.

Глава 10

Преследователи настигли нас на следующий день, когда солнце уже клонилось к закату. Едва мы успели миновать долину и подняться на холм, как Орландо де Брег обернулся и вдруг выругался, богохульно понося наши судьбы. Он резко осадил жеребца и указал рукой на утопающий в клубах пыли отряд, который показался на другой стороне долины.

Паскаль Жанэ прищурился, а затем зло сплюнул:

– Даже если их лошади устали, то не пройдёт и четверти часа, как они нас догонят. Так и знал, что здесь что-то нечисто! – проворчал сержант. – Чувствовал!

– Бьюсь об заклад, что эти господа скачут по наши души, – оскалился шевалье.

– Даже не буду с вами спорить, де Брег. Ну что же... Это будет хорошей дракой!

– Не сомневаюсь в вашей храбрости, Паскаль, но положение весьма и весьма скверное!

– Прах меня раздери! Разве это в первый раз?!

– Их больше тридцати человек, а у нас десяток бездельников и несколько пустоголовых дворян, которые больше заботятся о кружевах и нарядах, чем о серьёзной стычке!

– Вы уверены, что их так много?

– Да, – подтвердил шевалье, – у меня острое зрение.

– Эх, дьявол... – с лёгкой тоской протянул сержант. – Тогда нас просто сметут!

Как оказалось, не только мы заметили этих всадников. Не успели мы предупредить Ирэн де Фуа о грозящей опасности, как кучер приподнялся на козлах, свистнул и щёлкнул бичом. Лошади пошли галопом, а следом за ними рванули поклонники графини. Повозки по вине глупых возничих сцепились на развилке, перегородив и без того узкую дорогу.

– Жак! – повернувшись ко мне, крикнул де Брег. – Скачите за Ирэн!

– Я буду драться!

– Глупец! – рявкнул шевалье. – Ты обязан позаботиться о её спасении! Забыл, что сказал отец Раймонд?!

– Не могу вас бросить!

– Пошёл прочь отсюда!

– Шевалье прав, – с хмурым видом заметил Паскаль и обнажил клинок. – Выполняйте приказ его преподобия, Жак де Тресс. Скачите, пока не поздно! Сейчас станет жарко, да так, что живые позавидуют мёртвым.

Как бы ни было тяжело, но я должен был признать его правоту. Обернувшись, увидел, что карета уносится по дороге, ведущей на север, а кавалеры, кои были обязаны защищать её сиятельство, свернули на развилке на запад. Дьявол! Трусы! Я бросил последний взгляд на своих спутников и, развернув жеребца, пустил его вскачь...

Воистину графиня Ирэн де Фуа было рождена под счастливой звездой! Даже сейчас, описывая это происшествие, я поражаюсь благополучному исходу той безудержной скачки. Будь дорога менее ровной, карета давно бы опрокинулась. Мало того – испуганный кучер нахлёстывал четвёрку лошадей, словно за ним гнался сам дьявол! Поверьте, это недалеко от правды. Глупец! Пустив лошадей таким диким галопом, он рисковал ещё больше. Упряжка могла обезуметь и понестись, не разбирая дороги.

Ветер бил в лицо. Я пригнулся к шее своего жеребца и молил Господа Бога, чтобы Альто не угодил ногой в яму. Почва здесь каменистая, и падение обернулось бы моей гибелью! Догнав карету, я увидел, что не все дворяне оказались трусами. Рядом с каретой скакал один из кавалеров – темноволосый мужчина в бордовом дублете. Он часто оборачивался, высматривая, не приближается ли погоня. Заметив меня, кавалер что-то крикнул, но ветер отнёс слова в сторону.

Карета каким-то чудом миновала теснину между скалами и понеслась дальше. По левую сторону темнела роща из вековых дубов, чьи узловатые стволы напоминали застывших чудовищ, грозно взирающих на безумную скачку. Проскакав ещё немного, упряжка начала сбавлять ход – кавалер схватил одну лошадь за узду и попытался остановить карету.

– Что вы делаете?! – крикнул я.

– Нам надо укрыться в лесу, а карету отправить дальше!

– Зачем?!

– Так мы собьём их со следу!

Он был прав. Это было весьма разумным и своевременным решением. Лошади устали и не были готовы скакать с той же скоростью, а исход схватки, оставшейся далеко позади, был весьма туманным. Как бы мне ни хотелось присоединиться к сражающимся, я прекрасно понимал, что если не спасу Ирэн, то Паскаль Жанэ и Орландо де Брег зря рисковали своими жизнями.

Едва карета остановилась, я соскочил с жеребца и распахнул дверь. Внутри увидел до смерти перепуганную графиню, служанку, ребёнка и священника, который плеснул в меня обжигающим взглядом:

– Почему мы остановились?!

– Надо спрятаться, – обращаясь к Ирэн, сказал я. – Прошу простить, ваше сиятельство, но иного выхода у нас нет.

Несколько мгновений спустя мы углубились в чащу. Под ногами мягко пружинил мох, а дворянин, который шёл с нами, постоянно морщился и оглядывался назад. Да, он был прав в своих опасениях! В любой момент могла показаться погоня. Я трезво оценивал шансы наших защитников и понимал, что даже де Брег, обернись он зверем, едва ли сможет переломить исход этой стычки. Ещё утром, когда мы трапезничали, он сказал, что среди преследователей есть кто-то, обладающий колдовским даром. Иначе ему трудно объяснить всё происходящее. Я не знаю, что он имел в виду, но, судя по его хмурому виду, наши дела были плохи.

Да, мне было больно сознавать, что мой друг может погибнуть, но мы с ним знали, на что шли... Знали и были готовы умереть, если это потребуется. Что бы вы ни подумали, прочитав эти строки, но это не громкие слова, коими так любят блеснуть летописцы, описывающие чужие подвиги, военные походы и осады городов.

Мы прошли около сотни шагов, когда увидели скалу, покрытую зелёными прожилками мха. Между скальными обломками чернел зев прохода. Как оказалось, это вход в небольшой грот, где, пусть и без особых удобств, могли укрыться около десяти человек. Не знаю, сколько прошло времени, но, полагаю, не меньше получаса, прежде чем кавалер, который отправил карету по ложному следу и таким образом спас нас от преследователей, вдруг прислушался, самодовольно подкрутил усы и улыбнулся.

– Как славно всё обернулось!

– Славно?! – вытаращился я. – Вы сошли с ума?!

– Извольте помолчать, юноша! – оскалился мужчина и повернулся к графине. – Надеюсь, ваша светлость не затаит на меня обиды, но отныне вы мои пленники!

– Что?!!

Дворянин обнажил меч и презрительно скривился:

– Увы, господа! Надеюсь, мы обойдёмся без лишней крови? Мне бы не хотелось...

– Негоже, сын мой, угрожать оружием слуге Господа... – послышался голос священника. Даниэль Сагальский произнёс эти слова с таким искренним сожалением, что любой, даже самый закоренелый грешник устыдился бы своих деяний и тотчас покался. Вздохнув, святой отец покачал головой и добавил: – Грех это...

– Заткнитесь, святой отец!

– Опомнитесь, сын мой! – не унимался священник. – Вы и так напугали нас до смерти! Вспомните слова Господа нашего Иисуса Христа: «Возврати меч твой в его место, ибо все, взявшие меч, мечом и погибнут!»

– Пошёл ты к дьяволу, святоша! – прошипел кавалер. – Заткни пасть, пока я не перерезал тебе плотку!

– Отче, отпусти ему, ибо он не ведаёт, что творит...

– Что, рискнёшь броситься грудью на меч, церковник? Заткнись и моли Бога, чтобы я не передумал!

Я молча положил руку на эфес, но меня остановил священник. Он тяжело вздохнул, а затем быстро махнул рукой в сторону этого дворянина! Так быстро, что я даже не заметил этого движения. Дворянин жалобно крикнул и попытался отвернуться, прикрывая лицо рукой. Судя по всему, он ослеп! Как бы я ни был удивлён, но бросился вперёд и ударил его кулаком в скулу. Шевалье де Брег был прав – у незнакомцев, преподавших нам урок на улицах Баксвэра, было чему поучиться! Дворянин рухнул как подкошенный. Из его глаз катились слёзы.

– Соль и жгучий перец, – пояснил священник и развёл руками.

– Ну и дела, святой отец...

– Вяжите ему руки, Жак, – весьма благостным тоном сказал отец Даниэль и возвёл взгляд к небесам.

– Проще его убить!

– Нет, этот богохульник нужен мне живым. Хочу, чтобы он признал свой грех, покался, а затем своими ногами дошёл до костра или плахи.

– Как скажете, святой отец, – потирая кулак, ответил я.

Едва успел связать руки этого проходимца, как раздался испуганный возглас графини. Выхватив меч и обернувшись, увидел побелевшую от страха Ирэн, которая смотрела в чашу леса широко открытыми глазами. Послышалось ржание лошадей, которые вдруг рванули в сторону, исчезая в сумраке дубравы.

Проследив за взглядом графини, я почувствовал, что моё тело цепенеет от страха, а лицо покрывается мертвенно-холодным потом. Не дальше чем в ста шагах от нашего убежища среди вековых деревьев замелькали тени. Едва различимые на фоне дубовой рощи, они вдруг развернулись и двинулись в нашу сторону...

Господи!

Мерцающие призраки с каждым шагом обретали плоть, превращаясь в ужасных тварей. С боков свисали клочья свалывшейся шерсти, в оскаленных пастьях блестели клыки, а глаза были подобны глазам слепого – бельма, горевшие адовым огнём. Эти создания разбегались в стороны, окружая и не оставляя нам шансов на спасение. Будь я трижды проклят, но мне показалось, что слышу отвратительный трупный запах, словно земля извергла упокоенных чудовищ!

– Помилуй нас, Господи... – слышался изумлённый голос отца Даниэля, которому вторил голос графини, читающей молитву. Послышался лёгкий шум – это служанка упала в обморок. Тихо, едва слышно заплакал ребёнок.

– Боюсь, святой отец, что Всевышний здесь не поможет...

– Не богохульствуй! – едва не зарычал священник.

– Тьфу... – Я вытер рукавом лицо, вытащил меч и дагу. – Как бы там ни было, но так легко этим тварям не сдамся!

– Да поможет нам Господь, – кивнул святой отец и потянулся за посохом, с которым не расставался всю дорогу.

Священник нажал потайную пружину и вытащил из посоха клинок. Обоюдоострый, с серебряной насечкой. Такие клинки, только более массивные, я видел в оружейной комнате

моего отца. Мастер Барт называл их flamberge, сиречь – пламенеющий. Клинок с волнистым лезвием был похож на меч, объятый пламенем. Раны, нанесённые этим оружием, с большим трудом поддавались лечению и оставляли при благополучном исходе ужасные шрамы.

Не знаю, что заставило Даниэля носить при себе такое грозное оружие, но, полагаю, священник имел на это полное право. Переглянувшись, мы сделали несколько шагов вперёд, дабы не мешать друг другу, но надёжно закрыть графиню и маленького графа... Стая этих созданий медленно двигалась на нас. Их было не меньше двух дюжин.

Я облизнул пересохшие губы и понял, что из этой переделки мне уже не выбраться.

Позади нас послышался смех. Похоже, наш пленник обезумел от ужаса. Связанный, он сучил ногами, стараясь отползти подальше, визжал, хрипел и захлёбывался в собственном крике, который был похож на скулёж. Мне стало противно. Я плюнул на землю и оскалился.

Глава 11

Призрачная волчья стая – само воплощение вселенского ужаса, – завывая и предвкушая вкус крови, медленно двигалась в нашу сторону. Самое удивительное – страха не было. Он вдруг исчез и растворился в потаённых глубинах моей души, оставив лёгкий привкус горечи и обиды.

Я понял, что мы оказались в ловушке, подстроенной кем-то неизвестным, стремящимся уничтожить или пленить графиню Ирэн де Фуа. Было дьявольски обидно умереть, не узнав тайну рода Буасси, не прочитав книги из монастырской библиотеки и... Я многое не узнал и не познал... Жаль. Рядом со мной стоял отец Даниэль, сжимая в руках пламенеющий клинок. Как бы там ни было, но мы были готовы сражаться. Священник и юноша – не лучшая сила против адских созданий, но иных воинов не было.

По верхушкам деревьев прошелестел ветер, будто кто-то невидимый прочёл над нами заупокойную молитву. Раздался протяжный вой. Сильный, протяжный вой... Когда до стаи осталось около двадцати шагов, мы двинулись им навстречу, но не успели сделать и нескольких, как из зарослей показалась рысь...

Священник, увидевший этого зверя, замер на месте, а позади раздался невольный возглас Ирэн де Фуа. Зверь медленно, словно плыл над землёй, вышел на поляну и вдруг запрыгнул на валун, оказавшись между нами и волчьей стаей. Он повернул голову и посмотрел на меня, словно хотел подбодрить перед схваткой. Я не выдержал и засмеялся! Засмеялся, не обращая внимания на изумлённое лицо отца Даниэля, который, видимо, решил, что я сошел с ума от страха.

Оборотень был ранен – на боку и лапах была видна кровь. Он неторопливо её слизнул, а затем потянулся и выгнулся, словно огромный домашний кот. Выпустил когти, повернул голову в сторону волчьей стаи и зарычал... Время остановилось. Пусть это и невозможно, но последующие события вызвали странное чувство *безвременья*, словно мы оказались в некоем зачарованном месте, вне мира Господня [...]

* * *

...[кли]нок разрубил гниющую плоть, а я, не обращая внимания на предсмертный хрип, уже рубил следующего волка, прыгнувшего на спину Даниэлю. Мой меч распорол брюхо, обнажая гнилую требуху этого создания. Прыжок был прерван, и волк, не успев вцепиться в священника, завизжал и рухнул! Святой отец извернулся, крутанул в руке меч и пригвоздил тварь к земле. Не в силах сдержаться, этот слуга Господа зарычал, как дикий зверь, словно познал упоение, знакомое каждому воину. Происходящее сливалось в бесконечную череду ударов, свиста клинков, хрипов издыхающей нечисти и вкуса крови. Казалось, ещё немного, и я сам зарычу, шалея от непонятной силы, которая переполняла моё тело. Удар! Ещё один разрубленный на части зверь! Удар дагой, и тварь захлёбывается кровью. Мелькающие тени, приторный запах крови и ярость! Безудержная ярость, заставляющая нас убивать [...]

...[обо]ротень оказался в самом центре стаи. Будь я проклят, но он уничтожал этих тварей с такой яростью, что человеческий взгляд не мог уследить за мощными бросками и ударами! Лапы раздирали плоть и крушили черепа. Один из волков, которому рысь перебила хребет, пытался отползти в сторону, но следующий удар разможил ему голову, оставив лишь вязкую, окровавленную кашу [...]

...[тяж]ело дыша, священник вытер окровавленное лицо. Сутана была изорвана и покрыта тёмными пятнами. Безумный взгляд, дрожащие от усталости руки – это отпечаталось в моей памяти с такой силой, что сейчас, записывая эти строки, ясно вижу финал той смертельной схватки.

Я повернулся, высматривая нового врага, но был поражён невиданной тишиной, которая снизошла на эту грешную землю. Не было криков, лязганья клыков и стонов. Не было безумной круговерти, которую иной летописец назвал бы «смертельным танцем». Связанный мной дворянин попал под чей-то случайный удар и сдох.

Среди волчьих туш стоял оборотень. Он обвёл тяжёлым взглядом поляну и оскалился, когда священник, пусть и покачиваясь от слабости, обратил на него взор и поднял клинок.

– Остановитесь, святой отец! – крикнул я и едва не поперхнулся своим криком.

– Этот зверь обуян нечи...

– Плевать! Не будьте глупцом, кои платят злом за добро! Не смейте!

– Иначе?!

– Иначе... Иначе я буду вынужден убить вас.

Несколько мгновений мы молча смотрели друг на друга. Не знаю, что Даниэль увидел в моих глазах, но он отступил, устало махнув рукой. Священник отошёл в сторону и опустился на землю.

– Знайте, сын мой, что...

– Плевать! – перебил я и усмехнулся, вспомнив слова Гая Григориуса. – Запишите на мой счёт, потом сочтёмся.

Священник повернул голову и посмотрел на зверя, который уходил прочь. Рысь шла медленно, припадая на израненные лапы. Я хотел пойти следом, дабы помочь, но оборотень, словно почувствовав мой душевный порыв, мотнул головой и скрылся.

Оглянувшись, увидел, как исчезают тела этих адских созданий. Разрубленные на части туши загорались неким дьявольским огнём, а затем становились прозрачными и медленно пропадали, оставляя пятна почерневшей земли. Я был бы рад, окажись это кошмарным сном, но увы – это было ужасной реальностью.

Что было потом? Признаться, это как-то выпало из моей памяти. Помню испуганное лицо графини, которая нашла в себе силы и оказала нам помощь. Она, как и положено доброй христианке, омыла и перевязала раны. Слава Богу, что её пасынок Теодоро де Фуа лишился чувств ещё в самом начале схватки и был избавлен от кровавого зрелища.

Как бы ужасно это ни выглядело, но ночевать пришлось здесь – в гроте. Развели костёр, дабы обогреться и набраться сил перед дорогой. Отец Даниэль читал молитвы, успокаивал женщин и маленького Теодоро, а я сидел и смотрел на огонь. Искры возносились в небо, словно бессмертные души всех тех, кто нашёл свою смерть на этом пути.

Когда женщины уснули – хоть и неправильно называть сном это тревожное, прерываемое столами забытьё, мы со святым отцом остались у костра. Я смотрел, как он очищает клинок от чёрной, запекшейся крови, и удивлялся. Никогда не думал, что увижу священника, который так печётся о смертоносном оружии.

– Этот меч мне передал его преподобие, – почувствовав мой взгляд, сказал священник.

– Разве положено служителям церкви прибегать к насилию?

– Иногда, сын мой, это единственное средство, чтобы защитить невинных от происков и посягательств Нечистого. Молитва, возносимая Господу нашему, обладает должной силой, но молитва и добрый клинок более действенны.

– Я ещё многого не знаю...

– Вы ещё слишком молоды.

– Это пройдёт. Со временем.

– Сын мой, откуда здесь взялся оборотень? – неожиданно спросил Даниэль Сагальский. Он произнёс это таким спокойным тоном, словно мы беседовали о жеребцах или охотничьих псах.

– Оборотень? – изобразив удивление, спросил я. – По-моему, это была большая рысь.

– Величиной с телёнка? – недоверчиво хмыкнул он. – Как бы не так!

– Знаете, отче, в местах, откуда я родом, такие рыси не редкость. Отец рассказывал, что...

– Вы лжёте, Жак де Тресс.

– Осторожнее с вашими домыслами, святой отец! Как бы не пришлось потом извиняться.

– Хорошо, мы ещё поговорим. Чуть позже.

– Как вам будет угодно! – Я скрестил руки на груди и попытался устроиться поудобнее, дабы немного вздремнуть. – Доброй ночи, святой отец. Разбудите, когда решите отдохнуть. Чуть позже...

Медленно наступал рассвет. Темнота растворялась, оставляя взамен серые, предательские тени, кои были похожи на древних чудовищ, описанных в бестиариях Святого Трибунала. Утомлённый священник спал. Он совершенно по-детски подложил ладони под голову, а его лицо разгладилось, став наивным и очень добрым. Не будь я свидетелем вчерашней драки, никогда бы не подумал, что этот человек способен убивать нежить с такой безжалостной яростью.

– Жак? – услышав этот голос, я повернул голову и увидел графиню. Даже сейчас, посреди этого безумия, Ирэн была ослепительно прекрасна. Очаровательной красоты лицо, зелёные глаза и непослушные рыжие кудри...

– Чем могу служить, ваше сиятельство?

– Это ведь был оборотень? – Она так пристально смотрела на меня, словно любой ценой хотела добиться правды.

– Не знаю, – пожал плечами я. – К сожалению, не силен в подобных делах. Полагаю, что святой отец лучше объяснит причины всего произошедшего.

– Это был он.

– Простите?

– Это был он, – повторила Ирэн. – Я уже видела этого оборотня. Он уже спасал меня.

– Вы просто устали, – как можно мягче сказал я. – До замка Буасси путь не близок. Вам лучше отдохнуть и набраться сил. Завтра...

– Завтра мы повернём на север, – твёрдо сказала она. – Земли графа Буасси подождут.

– Как вам будет угодно, графиня, но святой отец...

– Даниэль Сагальский сделает так, как я прикажу!

– Как скажете, ваше сиятельство.

– Его преподобие будет недоволен промедлением, – подал голос священник.

– Его преподобие забыл о нашем уговоре? – сухим тоном спросила Ирэн. – Нет? Тогда вы будете делать то, что вам будет приказано Жаком де Трессом!

– Что?! – удивлённо спросил Даниэль. Признаться, я был удивлён не меньше.

– Пока мы не добрались до безопасного места, именно Жак де Тресс будет заботиться о моей жизни и жизни Теодоро де Фуа. Вы священник? Вот и прекрасно! Займитесь лучше молитвами, а военные дела оставьте дворянам.

– Рад служить, ваше сиятельство... – только и смог сказать я.

Когда рассвело, мы отправились в путь. Выйдя с приличествующей осторожностью из дубравы, увидели нескольких человек, уныло бредущих по дороге. Это были слуги, которые ехали на злополучных повозках с поклажей. Отбросив их рассказы о перенесённых ужасах, можно было утверждать, что из числа сражавшихся в живых никого не осталось. Никого...

Пусть слуги и ошибались, но я сомневаюсь, что они сильно приукрасили суровую правду. Пьер... Паскаль Жанэ... Орландо де Брег... Чувствовал, что шевалье находится где-то рядом, но найти его было делом безнадежным. Раненый оборотень найдёт такое убежище, что сам дьявол не сможет разыскать.

Нам повезло, что слуги нашли несколько лошадей, которые разбили повозки, вырвались на свободу, чем и спаслись от гибели. Пусть и без седел, но из плащей мы сделали подушки, на которые усадили графиню и Теодоро. Я обвёл взглядом наш маленький отряд и покачал головой. Отец Даниэль, три служанки, слуга и я. Это все, кто остался в живых. Ничего не оставалось, как взять лошадь под уздцы и выступить. На север.

Лошади, словно почувствовав наше состояние, аккуратно выбирали дорогу, переступая через обломки камней, попадавшие на пути. Пожалуй, не буду описывать наш скорбный путь. Первые дни были поистине ужасны. Припасов едва хватало, а несколько тощих зайцев, пойманных мною во время отдыха, были слабым подспорьем нашему столу.

Слуга графини оказался редкостным болваном и бездельником. Проживший всю жизнь при дворе её светлости, он был совершенно бесполезен. Мне даже пришлось отвести парня в сторону и намять ему бока, дабы перестал причитать о грядущих лишениях и бедах. Священник молился, а служанки вздыхали и плакали. Так продолжалось до тех пор, пока мы не вышли к реке и не увидели графскую карету, завязшую в прибрежной грязи. Лошадей не было, а карета, судя по всему, была кем-то обыскана и ограблена. Чуть дальше, в прибрежных кустах, я нашёл тело убитого кучера.

Глава 12

На берегу реки мы пробыли почти два дня. Дорога утомила моих бедных спутников, кои были непривычны к таким долгим и тяжёлым переходам. Я бил рыбу, чтобы накормить графиню и её слуг, а заодно и нещадно гонял эту совершенно бесполезную челядь. Будь это в моей власти, я бы отправил их обратно в Баксвэр! Утром третьего дня, сделав некоторые запасы, предложил выступать, но едва посадил Ирэн на лошадь, как раздался крик.

– Разбойники! – выпучив глаза, крикнул слуга и ткнул пальцем нам за спины. От этого крика лошадь дёрнулась, и мне стоило изрядных усилий, чтобы удержать поводья. Графиня, хоть и была прекрасной наездницей, едва не упала на землю. Обернувшись, я увидел трёх мужчин, ведущих в поводу лошадей.

– Бездельник! – рявкнул я. – Ты что, не видишь, кто эти люди?!

– Но...

– Слава Богу! – с облегчением вздохнула графиня и перекрестилась. – Живы... Жак!

– Да, сударыня!

– Слугу, пустозвона и бездельника, накажите со всей строгостью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.